

ОТПЕЧАТОК СИЛЫ
ОТПЕЧАТОК СИЛЫ

БЕГУЩИЙ ВСЕГДА ОДИНОК

Оксана Обухова

В мире магии и телепатии есть место для предательства. Бывший командир армейской разведки полковник Шип становится обладателем опасной тайны. Его враги так могущественны, что способны запереть столицу, превратив ее в огромную мышеловку, и объявить всеобщую мобилизацию.

Из Шипа делают государственного преступника, армия возмущена его «предательством»! Полковнику приходится сражаться в одиночку со всем светом.

Оксана Обухова

Бегущий всегда одинок

Всему можно подобрать синонимы или подобия: воинским званиям и столовым приборам, отрезкам времени или природным явлениям. И даже если плод моего воображения не будет похож на яблоко, я все-таки назову его «яблоком».

1 часть

Полковник Густав Шип мрачно разглядывал посланников.

Эта тройца ему совсем не нравилась.

Первым в комнату вошел слуга с обритым черепом. Алый зигзаг татуировки на его лбу сообщил полковнику о немаленьком чиновничьем статусе Саула (гостя без всяческой натяжки можно было назвать царедворцем). Фиолетовая блямба на левой щеке Саула предупредила, что трудился он в

канцелярии правительственной резиденции Материка.

Но это частности. С данным господином как раз все было ясно: кого еще отправлять гонцом к бывшему начальнику охраны Дворца?

Сановного чиновника конечно же.

Полковнику не нравилось другое: слугу-функционера сопровождали два трансформера. А это уже нестандартный случай. Люди, отправившие Саула за Шипом, знали — полковник видящий второй степени. Он пробьет взглядом плоть и по недоразвитым гибким костям трансформеров мгновенно выяснит кто перед ним. И это, несомненно, вызовет у гвардии полковника приступ раздражения: видящие и трансформеры — извечные враги. Первые, практически всем числом, воины, вторые подвизаются в шпионах и наушниках. Отправить за Шипом этих типов, все равно что послать двух хитрых лис за свирепым псом.

В прибытии трансформеров полковник заподозрил преднамеренное оскорбление.

Но Саул, едва представившись, сразу постарался снять возникшее напряжение льстивой речью:

— Многоуважаемый господин, — подобострастно кланяясь и складывая перед грудью ладони в знаке подчинения, заговорил слуга, — вас

просят незамедлительно прибыть во Дворец. В вас возникла срочная надобность, прошу вас следовать за мной.

Шип не отвечал слуге, он разглядывал высокого плечистого трансформера с несомненно сместившимися татуировками и пытался угадать к какой конкретно службе тот принадлежит? Транс видоизменился и упрятал в складках кожи опознавательные символы, но Густав не терял надежды мысленно расправить лицевые мышцы гостя и понять кто он конкретно — шпион, инквизитор или дворцовый охранник, коих иногда набирали из презираемой вояками касты.

Не получалось. Татуировки так перемешались-исказились, что придать им первоначальный смысл не удалось.

И потому, Шип не стал уделять внимания второму трансу — худосочному жителю пустыни, стоявшему чуть позади собрата, — перебросил взгляд на слугу и поинтересовался:

— Я могу узнать, кому и зачем я понадобился во Дворце?

— Вам все объяснят на месте, многоуважаемый полковник, — начинал пятиться к входной двери Саул. — Прошу вас следовать за мной...

Шип мрачно оглядел небольшую комнату на задворках столичного цирка: складная походная

кровать аккуратно застелена легким одеялом, на небольшом столе письменные и столовые приборы, две полки плотно уставлены потрепанными, зачитанными книгами. Большею частью это была специфическая военная литература, но встречались и красочные фолианты с жизнеописанием великих полководцев, мемуары.

Уходить отсюда Шипу не хотелось совершенно! На улице полуденное пекло, здесь полумрак и тишина.

Слов нет, если бы с Саулом направили двух гвардейцев из охраны резиденции, полковник отправился бы за слугой без лишних церемоний. Через восемь дней у Густава заканчивался срок поражения в правах и он мог ожидать приглашения от гвардии вернуться на прежнюю службу. Но два трансформера... Эти две лисы в картину не укладывались.

— Прошу не медлить, господин, вас ждут, — поторопил слуга. — Пойдемте, пойдемте.

Саул приблизился к двери, трансформеры остались на местах и, казалось, стерегли малейший жест полковника. Густав догадался, что транссы в любой момент готовы проявить себя совсем недружелюбно.

«Зачем? — подумал Шип. — Кому понадобилось демонстративное пренебрежение, если возникла надобность? Отправили бы парочку

солдат, я б с ними с радостью пошел... Повидался с однополчанами».

Непонимание происходящего полковника раздражало. Идти, пожалуй, все-таки придется — посланникам Дворца так просто не отказывают, да и любопытство, как ни крути, одолевало. Но вид застывших у двери шпионов нормального вояку раздражал. Густаву казалось, что за сместившимися лицевыми мышцами трансформеры скрывают насмешку.

— Ладно, — буркнул Шип. Расправил плечи и высокомерно оглядел посланников.

Спрашивать, нужно ли что-либо захватить с собой, Густав не стал. Подойдя к оружейной полке он опоясался ремнем, снял с крюка небольшой церемониальный меч и вставил его в поясные ножны.

Наблюдавшие за вооружавшимся полковником трансформеры не протестовали. Воин его ранга не мог появиться на улице без оружия, а во внутренних покоях Дворца меч все равно придется снять. Нынешний правитель Пантелеймон завел драконовские порядки, даже приходящие на прием воинские генералы и принцы крови оставляли кинжалы в оружейной комнате. В народе поговаривали, что государь порядком сдвинулся на почве личной безопасности, каждый предмет, которого касался Пантелеймон, был снабжен

магическим рисунком, уберегающим его от сглаза или отравления.

Густав Шип когда-то руководил охраной правительственной резиденцией Материка и знал, что эти слухи чистейшая правда. Домашние тапочки и ночной горшок правителя расписывали охранными магическими символами лучшие колдуны державы. В последнее время девяностолетний Пантелеймон жил затворником и так остерегался покушений, что редко выходил из внутренних покоев, поскольку, от клинка или стрелы магическая роспись не страхует.

Да, поглядывая на трансформеров, подумал Шип, правитель одряхлел. Но сути это не меняло: брось Пантелеймон клич и призови, во всех окрестных кабаках за оружие схватится распоследний выпивоха! Поскольку для народа Пантелеймон до сих пор оставался своим в доску. Из самого нутра, из сердцевины, заступником и реформатором. Он правил Материком уже без малого пять десятилетий и альтернативы ему — не было.

...Опоясанный оружейной перевязью Густав расправил под ремнем складки короткой воинской туники — рыжей, как пески Срединной пустыни, и пошел через комнату к двери. Высокорословый трансформер ее предупредительно распахнул, и Шип, мазнув по трансу взглядом, насмешку все же

разглядел. Не на лице, хранившем зафиксированное выражение, издевка мелькнула в глазах шпиона. Но этого было достаточно, чтобы Густав вновь почувствовал подвох — неправильно оформили приглашение для бывшего начальника охраны. Неправильно!

Полковник вышел из каморки и увидел, что за ее порогом столпилась добрая половина цирковой труппы. Заинтригованные появлением дворцовых вестников артисты заполнили широкий коридор, и Саулу пришлось взмахнуть веером-кисточкой, требуя освободить дорогу.

Тут надо сказать, что этот жест чиновник сделал зря. На взмах кисточки отреагировала только цирковая собака — мелкая, но темпераментная болонка. Она с лаем бросилась на надменного посланника, и Саулу пришлось утратить важность, шустро юркнуть за спины трансформеров. А циркачи, как стояли плотной толпой, так и остались в неподвижности. Угрюмые и ждущие.

Шип наткнулся взглядом на взволнованное личико своей любимицы — юной канатоходки Милены. Девушка умоляла взглядом ответить на невысказанный вопрос: «Что случилось, почему тебя уводят?!» Похожая тревога читались и на прочих лицах. Шип улыбнулся:

— Все нормально, ребята. Все хорошо. Я

схожу во Дворец...

— Ты вернешься?! — перебил Тимур.

Густав накрыл широкой ладонью худенькое плечо акробата и кивнул.

— Конечно же вернусь, Тимур. Не переживай.

Малолетний артист скривился, а Шипу показалось, что он готов расплакаться — дворцовый чиновник оформил свое появление со всевозможной помпой и заставил труппу волноваться!

Густав мысленно приласкал Саула «надутым недоумком», улыбнулся друзьям и, протискиваясь в толпе, чувствуя, как в спину дышат трасы, пошел по длинному цирковому коридору к служебному выходу.

На жаркой улице посланников и Густава ждала карета. «Хорошо хоть не тюремная», — разглядывая немолодого равнодушного кучера и пару лоснящихся лошадок, почему-то подумал Шип. После появления трансформеров полковник мог ожидать чего угодно — поражение в правах продолжит действовать еще восемь дней, а у него, как бывшего начальника охраны правительственной резиденции, влиятельные враги имеются.

Но карета, хоть и красовалась гербом дворцовой канцелярии, была вполне обычной, а рыхловатый дядька-кучер не имел оружия. И судя

по тому, как мгновенно он вытянулся во фрунт при виде показавшегося Саула, тот и в самом деле не был пешкой в придворной иерархии.

Но это обстоятельство совершенно не польстило Шипу и не избавило его от подозрительности. За бывшим шефом безопасности не могли отправить второсортного слугу. «Но вот зачем к Саулу приставили двух трансов?» — Этот вопрос не оставлял полковника до самого Дворца.

* * *

Если встать спиной к портовой бухте и поглядеть на недалекие горы, оцепившие столицу с севера, то первым делом в глаза бросалась резиденция правителя, которую все называли попросту Дворцом. Величественное здание занимало огромное плато, оно как будто выросло из скалы. В мире, где практически безраздельно правит магия, прямые линии, способные создать углы, считались дурновкусицей (ведь всем понятно, что в углах способна притаиться злотворная ворожба!). Плавные изгибы стен и крыш придавали Дворцу видимость легкой пены, что выдавилась из скальных пород, наполнила собой расщелины и вольно выплеснулась на плато, свисая полукруглыми наплывами над ущельем с севера.

Дворец всегда поражал Густава великолепием

и совершенством линий. В полдень, когда солнечные лучи падали сверху на зеленоватые искрящиеся стены, он напоминал полковнику гроздь винограда, свисающую с титанической фруктовой вазы. Шип прекрасно помнил прохладу помещений резиденции и запах благовоний, курящихся в парадных залах. Огромные помпезные помещения церемониальных залов нынче редко посещались — Пантелеймон не выносил затратных празднеств, но дворцовые колдуны все равно окуривали их, спасая резиденцию от тлетворной магии. Любой, кто посещал Дворец, выносил на себе изумительные запахи, одежду, вобравшую в себя аромат благовоний, многие хранили поколениями, не стирали. И одежда — пахла. Пахла напоминанием о посещении, дарила благость и причастность к высшей власти. В простонародье считалось, что эти фетиши способны исцелять.

Густав к доверчивым согражданам не относился. Хотя и думал, что уверенность в хорошем способна помогать. Он как-то видел: рана, на которую его однополчанин наложил «волшебный» лоскуток от одежды прадеда, и вправду затянулась на удивление быстро. Вера — штука не последняя. Страх убивает, надежда исцелит и безнадежного больного.

Разъездная карета дворцовой канцелярии лихо

подкатила к воротам внешнего периметра Дворца. Густаву не было надобности выглядывать в окно, он и сквозь стену кареты увидел как изумленно вытянулось лицо начальника караула — капитан тоже был видящим, пробив карету взглядом он мгновенно опознал приехавших и узнал в одном из них бывшего начальника. Большинство охранников Дворца принадлежало к касте Видящих, способных разглядеть упрятанное на телах оружие, увидеть скрытую опасность за дверью и даже скальным выступом.

Сохраняя на лице невозмутимую улыбку Густав первым спрыгнул с подножки кареты и поприветствовал однополчанина:

— Здорово, Март. Как служба?

Капитан Март быстро справился с изумлением и растянул губы во всю ширь. Откозырял полковнику.

Что было, прямо скажем, некоторым нарушением порядка. Каждый из касты Видящих знал, что гвардии полковник Густав Шип поражен в правах и исключен из ордена Охранников, являвшегося подразделением этой касты. А потому за жестом капитана стояло многое: вояки продолжали считать Густава своим и равным, случившееся с Шипом видящие признавали дикой несправедливостью и попранием их общих прав.

Полковник добродушно усмехнулся, но

протягивать руку, чтоб поприветствовать однополчанина, не стал. Позже этот непорядок могли припомнить капитану. Шип попросту остался рядом, стоял полубоком к Марту и наблюдал, как важный сановник неспешно покидает повозку с фиолетовой чиновничьей блямбой на дверцах.

— Как у тебя дела? — негромко поинтересовался капитан. — Ты все еще там, в цирке?

В голосе Марта полковнику послышалось сочувствие, и Шип с равнодушием повел плечом:

— Да, мне там нравится.

Ему не нужно было поворачиваться к Марту, чтобы увидеть, как выражение сочувствия на лице гвардейца сменилось недоверием. Поверить в то, что прославленный в боях рубака дослужившийся до звания полковника доволен нынешним существованием — немыслимо.

Сказать по правде, три года назад Шип и сам бы плюнул в каждого, кто попытался б напорочить ему коморку на задворках цирковой арены. В те времена к цирку Шип был абсолютно равнодушен. И это мягко выражаясь. Выделывавших трюки артистов он считал шутами, рискующими головой на потеху публики. Их занятие казалась ему бесполезным ремеслом — хотите рисковать, так делайте это задорого или на пользу отечества. А

так... под смех, за грошик... Чепуха и шутовство.

Но четыре года назад Шип покинул государственную службу, громко хлопнув дверью. О том, что он останется без средств и работы, полковник не переживал. Едва примкнув к ордену Охранников и объявив себя свободным для найма, Шип тут же получил с десятков приглашений, но остановил свой выбор на богатейшем скотопромышленнике Азисе. Владелец тучных пастбищ предложил полковнику наиболее щедрую оплату — иметь в телохранителях бывшего начальника охраны резиденции чрезвычайно престижно! — и Густав согласился... о чем довольно скоро пожалел.

Азис выжимал из положения весь статус до последней капли, за каждый потраченный на телохранителя грош.

И еще он очень любил всевозможные плебейские зрелища, куда телохранитель его обязательно сопровождал. Шип, как проклятый, таскался за работодателем по борделям с плясками и шумным гульбищам. Опытно оттирал плечом карманников, подозрительных шлюх и перепивших дебоширов. Однажды едва не получил нож в спину, когда Азис (намеренно) раздражил компанию гуляк.

Но особенно скотопромышленник любил цирковые представления. При каждом выезде из

родимого поместья в столицу Азис навещал цирк, и как подозревал полковник, интерес нанимателя вызывали отнюдь не представления как таковые. Азис с замиранием сердца ожидал иного зрелища: когда сорвется вниз канатоходец или свирепый хищник нападет на дрессировщика, когда факир не совладеет с пламенем и вспыхнет сам, а акробатка рухнет на арену из-под купола.

Короче — находиться возле ожидающего чьей-то смерти (скота)промышленника было довольно гнусно. Шип терпел его выходки уже целый год, скучал, но исполнять оплаченные обязательства не забывал.

И вот однажды, без малого три года тому назад, Азис пришел на представление. Занял одну из лучших лож.

Густав бдительно поглядывал по сторонам, практически пропуская глазами арену. Но неожиданно его внимание привлек деревянный ящик посередине манежа и сидящий в нем трюкач. Судя по положению костей маленький гибкий мальчик вывихнул плечо и застрял в крохотном кубе, готовом взорваться и выплеснуть в пламени отважного акробата.

Густав уже видел этот номер. В мире, хорошо знакомом с истинным волшебством, цирковые представления строились на запредельном риске: ребенок должен был вылететь из ящика

практически в момент взрыва. Мальчик появлялся в центре огненного цветка словно яркий пестик, взлетал над ареной и устремлялся ввысь под купол. Убегал от огненного жара, кусающего за пятки.

Но на этот раз маленький трюкач — попался. Подол блестящей туники обмотал его пятку, мальчишка пытался высвободиться, но от страха действовал неловко и перестарался: заработал вывих плечевого сустава, лишивший его возможности двигаться.

Время исходило. Густав видел, как нереально изогнулись косточки ребенка, понимал, что тело трюкача совсем свело от боли — он намертво застрял в готовом взорваться кубе!

Густав выпрыгнул из ложи напрямик на арену. Ударом ноги вышиб одну из стенок ящика и за долю мгновения до детонации заряда выдернул циркача из куба!

Под звук оглушительного взрыва упал вместе с ним на арену.

А в цирке тут же воцарилась тишина. Все замерли, никто не аплодировал.

Но очень скоро зрители опомнились, захлопали в ладоши и закричали «Браво!». Публика посчитала спасение мальчика постановкой. Хотя овации не утихали довольно долго, поскольку трюк казался филигранно выполненным.

Полковник, лежа на мягких опилках манежа,

обнимал спасенного мальчишку и тяжело дышал. Помимо Густава в цирке еще были видящие и только они во всей мере смогли оценить произошедшее. В памяти полковника навсегда застыл момент: на трибунах рукоплещут зрители, и лишь несколько вставших с лавок солдат в рыжих туниках молча смотрят на арену. Они не хлопают в ладоши, они все понимают — их собрат только что спас от страшной гибели ребенка.

Но толику внимания зевак вознамерился забрать себе и наниматель Густава. Перевалив тяжелое пузо через ограду ложи, Азис побежал на манеж, и вначале Шип решил, что тот собрался помаячить перед публикой, заявить, что именно его телохранитель оказался лучшим среди лучших. Подобный финт был в стиле господина Азиса, обожавшего быть в гуще всех событий и на виду топы.

Но полковник ошибся. Скотопромышленнику оказалось не достаточно погреться в лучах чужой доблести, Азис решил сам стать гвоздем программы. Добежав до Густава, он разозленно топнул обувью в сандалию ногой и гневно выставил руку вперед:

— Как ты посмел, негодный?! Как ты посмел оставить своего господина?!

Над ареной снова воцарилась тишина. Жадная до зрелищ публика прекратила хлопать и

наострила уши: в центре манежа бесновался разодетый в шелка толстяк. Его гневные упреки неслись под купол:

— Ты не имел права оставлять своего господина! — Внимание толпы подзуживало нанимателя, и Азис разошелся не на шутку (перед представлением он по обычаю солидно выпил). Подскочив к вставшему на ноги невозмутимому телохранителю, скотопромышленник схватил его за грудки. — Я не давал тебе приказа! Ты всегда должен оставаться со мной и охранять!

Формально Азис был прав. Шип нарушил правила, оставил нанимателя, хотя прекрасно знал, что нападения зачастую так и обставляются: кто-то отвлекает на себя телохранителя, а его подельники тем временем набрасываются на «объект». Увечат, грабят или даже убивают.

Но в этом случае Густав был абсолютно уверен в том, что его работодателю ничего не угрожало. Гибель ожидала мальчика, и Шип сделал все возможное для его спасения. Полковник не мог оставить ребенка в беде!

Но Азису было категорически начхать на доводы порядочности. Таская могучего телохранителя за грудки и брызгая слюной, нетрезвый скотопромышленник вопил, подпрыгивал. Между Азисом и телохранителем попытался вклиниться мальчишка. Но

разошедшийся купец схватил ребенка за ухо, дернул, пытаясь отшвырнуть от себя!

Этого полковник вынести уже не смог. Густав видел, что пацана перекашивает от боли в вывихнутом плече, но он, не обращая внимания на увечье, все же бросился на защиту своего спасителя.

Шип перехватил руку нанимателя, сжал ее и немного выкрутил, освобождая ухо мальчика...

Азис завизжал так, будто Густав сломал ему запястье! Отпрыгнув от телохранителя, он завизжал, обращаясь к публике:

— Вы видели?! Нет, вы видели?! Он на меня — напал!!

Если бы между богатеем и полковником не встали стеной спустившиеся на манеж солдаты, Азис, не исключено, полез бы в драку с Густавом, и «представление» получило бы непредсказуемый финал. Богатей был забиякой-горлопаном, причем существенно нетрезвым, а его телохранитель не стал бы безропотно сносить затрещины и оскорбления.

Но солдаты — вышли. Они не имели обязательств перед крикливым барином, они загородили собой собрата из касты Видящих.

И Азис вопил уже из-за их спин:

— Под суд! В тюрьму! На каторгу!! Я добьюсь, чтобы тебя лишили прав и вышвырнули

из Ордена, как паршивую собаку!!

Как говорилось выше формально Азис оставался прав. Закон был полностью на стороне работодателя.

Солдаты отесняли крикуна с арены. С Густавом заговорил факир:

— Спасибо, — утирая рукавом со лба обильный пот, проговорил циркач. — Вы спасли моего сынишку, я выступлю на суде в вашу защиту... А он... этот господин... и вправду будет с вами судиться?

— Будет, — с уверенностью кивнул Шип.

На этот раз полковник не ошибся. А Азис получил то, чего хотел: на несколько дней скандал в цирке стал главной новостью столицы, скотопромышленник по максимуму привлек к себе внимание, носился по городу, как павлин с горящим хвостом, и на суде испепелил бывшего телохранителя пламенной речью.

На каторгу Шипа, правда, не отправили. Но трехлетнее поражение в правах и отлучение от Ордена телохранителей полковник заработал. Густаву не помогло заступничество свидетелей из солдат и циркачей, закон был строг и разночтений не имел.

Выслушав вердикт судьи Густав вышел из зала и уже на улице увидел поджидавшую его толпу в ярких одеждах. Циркачи пришли всей труппой

поддержать спасителя маленького коллеги. Вперед шагнул низенький полный господин с золотой серьгой в ухе, поклонившись Густаву, он важно произнес:

— Уважаемый полковник, мы все вам благодарны. И будем очень рады, если вы примете наше предложение. Господин Шип — вы не хотели бы у нас поработать? У нас много трюков, которые можно усложнить, и человек вашей квалификации способен нам помочь...

Густав слушал речь директора столичного цирка, а в голове его еще звенели обличительные слова судьи (старательно и опытно скрывавшего сочувствие к вояке, влипшему в историю). Покидая заседание Шип совсем не знал, куда пойдет. На три года Азис обеспечил бывшего телохранителя «волчьим билетом», теперь, куда бы не направился полковник, его везде ждал отказ. Следуя судебному решению Орден не позволит ему наниматься и не станет защищать его права. Вернуться на армейскую службу тоже не получится: Орден является подразделением касты Видящих и поражение в правах распространяется на армию.

По закону Густав стал отверженным на полные три года. И потому он принял предложение директора. Его пригласили работать не в качестве охранника-телохранителя, от Ордена претензий не последовало. Без малого три года Шип помогал до

ювелирности шлифовать сложнейшие трюки и дважды спасал циркачей, что рисковали жизнью на потеху публике. Полковник Густав Шип и на вольном выпасе зря хлеб не ел.

За неполные три года циркачи стали семьей для бывшего вояки. Вытащенного из пламени акробата Тимура полковник учил борьбе и битве на мечех, на хмурого сероглазого армейца с квадратным подбородком и волевым лицом ласково поглядывали почти все незамужние циркачки.

В общем, говоря капитану Марту, что ему нравится его новая работа, Густав практически не лукавил: шумные и жизнерадостные циркачи прекрасная компания для хлебнувшего войны мужчины, пораженный в правах и отвергнутый кастой, он никогда не чувствовал себя более свободным.

Но Март не мог принять слова полковника за чистую монету.

— Ты к нам решил вернуться? — негромко поинтересовался капитан.

Шип не успел ответить, так как к ним подошел Саул. Не обратив внимания на начальника внешнего караула, представитель касты Слуг слегка кивнул Густаву, предлагая ему следовать за собой.

Полковник прошел в широкие ворота правительственной резиденции.

В огромном парке у подножия Дворца за эти годы ничего не изменилось. В фонтанах били струи ледяной воды, что протекала в трубах под землей от высокогорного источника. Причудливо подстриженные кустики не превышали человеческого роста: дорога от ворот до резиденции просматривалась и простреливалась. Над клумбами порхали бабочки, прогретые полуденным солнцем каменные скамейки казались раскаленными.

Саул шел впереди, катился по дорожке, словно крепенькая бочка. Шип не пытался его обогнать, приноровился к темпу коротконого слуги и смотрел на величественную «виноградную гроздь» Дворца. Путь от внешних ворот до резиденции был не таким уж малым, но проезжать на территорию позволялось лишь карете правителя. Все прочие повозки оставались за воротами.

Преодолев парадную аллею и пройдя в ворота внутренней ограды, Саул, довольно удивив полковника, свернул не к административным помещениям Дворца, а направился на половину государя. Шип думал, что его ждут в канцелярии или службе охраны, но Саул все дальше и дальше углублялся в личные помещения правителя.

Шип шагал по хорошо знакомым коридорам, но здесь стал примечать, что за четыре года многое изменилось. Охранные символы на стенах поблекли, давно не обновлявшаяся магическая

роспись потеряла силу. И если раньше, проходя по коридорам, начальник охранной службы не мог пронзить стены взглядом, то теперь Шип видел эти помещения насквозь. А это значило, что Пантелеймон таки запретил колдунам обновлять защитные росписи. «Честному человеку нечего бояться, что за ним подглядывают. — Говорил правитель. — А злодея охрана должна — увидеть. И уберечь страну от козней и предательства».

И то есть, слухи о возрастающей паранойе девяностолетнего государя оборачивались правдой. Страх покушения совсем добил Пантелеймона, он презрел обычаи Дворца и заставил жить по новым правилам: все нараспашку, все насквозь! Теперь от взора преданных гвардейцев не могли укрыться даже мышь и муха. Поворачивая к коридору до покоев государя, Густав увидел людей, находящихся в одной из комнат.

У круглого стола сидели трое: пара мужчин и седая сгорбленная женщина. Старушка находилась в колдовском трансе и сидела спиной к полковнику, но на ее свисающей руке Шип разглядел серебряный браслет с запоминающимися брелоками.

«Тетушка Нина! — Полковник вспомнил старую знахарку, принимавшую посетителей в небольшом шатре у портового рынка. — Она-то здесь зачем?! Во Дворце что... своих лекарей уже

не хватает?!»

Шип пораженно притормозил. По сути дела никакой знахаркой Нина не являлась. Полученный с рождения сильнейший талант диагноста забил у Нины лекарские способности: бабушка могла в точности определить причину хвори, но могла ее лечить. Среди диагностов ей, пожалуй, не было равных, но поскольку исцелять знахарка не могла, к ней приходили в исключительных случаях. Платить дважды за диагноз и лечение считалось неразумным, и народ предпочитал напрямую обращаться к врачам, которые все ж были магами и редко ошибались называя причину хвори.

Но как чистый диагност старушка Нина не имела конкурентов. Она могла установить причину болезни, не видя пациента. Ей приносили какую-то вещь, а лучше ноготь или волос пациента, и Нина ставила верный диагноз. Тетушка просила скромную оплату за труды, за долгие годы она научилась изготавливать пилюли и притирки, сама собирала травы и готовила из них лекарственные чаи...

Но что Нина делает во Дворце, Густав понять не мог. В резиденции полно квалифицированных врачей! А тетюшка Нина... из рыночного балаганчика... «Она-то здесь зачем?!»

Шип не успел как следует разглядеть мужчин, сидящих рядом с бабушкой, — притормозить

надолго не получилось. «Вернусь в город, схожу на рынок, узнаю все у Нины», — постановил полковник и заспешил вслед уходящему Саулу. Слуга уже дошел до двери в приемную правителя и предъявлял караульным раскрытую ладонь с печатью пропуска.

Густава глянул на высоких гвардейцев с церемониальными алебардами и у него появилось предположение: бывшего начальника охраны собрались пригласить в личную гвардию Пантелеймона. В штат, набираемый самим правителем.

Шип не успел решить обрадовала его эта догадка или огорчила. Три года привольной жизни полковника расслабили, чем ближе подступал срок окончания поражения в правах он все чаще задумывался: «А оно мне надо? Вставать ни свет ни заря, будить подчиненных, строить их, гонять и даже морды бить... Может, послать все к черту... взять в жены хотя бы ту же Милену... Осесть, детей растить».

Но мысли мыслями, мечты мечтами, а знать полковник — знал. Он вольный ветер, воин. Такой загнетса от тоски в четырех стенах. Солдату не по чину оседлая жизнь и ласки одной единственной женщины! Шип понимал, что лишь на время сцепил зубы и принял предложенную обстоятельствами жизнь, но случись война или

беспорядки в провинциях... он первым явится на призывной пункт. Война снимает с воина любое поражение в правах.

Но вот работа телохранителем правителя — не война. Пантелеймон ждет от охранников бессловесного подчинения, их подвергают унижительным проверкам на благонадежность, за личными гвардейцами правителя надзирают денно и ночью.

«Нет! — сказал себе полковник. — В тело-хранители я больше не вляпаюсь. Пусть хоть сам Пантелеймон начнет упрасивать».

...По роду прежней службы Шип знал наизусть все помещения Дворца. Проходя за обитую железом дверь редкий счастливец попадал в приемную правителя, примыкавшую к спальне-кабинету: просторной комнате в форме полуовала с выходом на великолепную террасу. Но несколько лет назад Пантелеймон приказал заложить камнями выход на балкон и теперь жил в совершеннейшем уединении, отрезанный даже от вида за окном.

Поговаривали, что в опочивальне правителя есть потайная дверь, открывавшаяся в выдолбленный в скалах коридор, ведущий за внешний периметр Дворца. И Шип был склонен верить этим слухам, поскольку иначе спальня-кабинет превращалась в мышеловку. И то

есть — ход имелся. Но знал о потаённом только сам правитель.

Саул приказал трансформерам остаться в коридоре. Густав вслед за ним прошел в приемную и удивленно поднял брови. По правде говоря, он ожидал увидеть здесь старинного приятеля — начальника личной охраны Пантелеймона полковника Захра. Но за рабочим столом на фоне полукруглой стены, густо расписанной свежими охранными символами, увидел толькомоложавого личного секретаря Пантелеймона и незнакомого майора с вислыми усами и весьма смущенным видом.

Приветствуя входящих канцелярист Велух подскочил.

— Крайне рад вас видеть, уважаемый Шип! — Секретарь протянул полковнику руку и, не отпуская его ладони, потянул к стулу возле письменного стола. — Садитесь, господин Густав. Пожалуйста, познакомьтесь с заместителем уважаемого Захра майором Синькой.

Синька кисло улыбнулся. Секретарь был дружелюбен, но обеспокоен и не собирался этого скрывать. Как только Шип расположился на жестком стуле (исключительно неудобном ради сокращения визитов), Велух сел напротив через стол. Поглядел в упор на Густава и убрал с лица приветливость. Стал сух и даже мрачен.

— Не буду скрывать от вас, полковник, что вызвали мы вас по неотложному и секретному делу. Вы — посвященный. Вы здесь служили... — Синька тихо кашлянул, и канцелярист прервал необязательное вступительное многословие. — Мы всерьез обеспокоены, господин полковник. Правитель Пантелеймон уже три дня не покидает своей комнаты...

Густав изобразил лицом легкое недоумение, но продолжил слушал. Как знал полковник, государь и прежде не появлялся на людях по нескольку дней. С годами Пантелеймон превратился в чистейшего затворника, в его опочивальню-кабинет имел свободный доступ единственный приближенный — маг-звездочет Дум. Для всех прочих дверь в спальню магически закрыта, снаружи она отпиралась только по приказу государя или Дума, являвшегося не только астрологом, но и преданным старинным другом Пантелеймона.

А следуя рассказу Велуха доверенный астролог государя — пропал. Его не могут разыскать уже два дня, дверь в покои правителя запечатана наглухо и вскрывать ее никто не решается. Что тоже было Густаву понятно: проникнуть без позволения в опочивальню сдвинутого на безопасности Пантелеймона мог лишь самоубийца! Правитель отдаст приказ

растерзать ослушника, едва его увидит.

Велух расстроено развел руками:

— Как видите, полковник, положение сложилось — хуже некуда. Войти мы не имеем права, а Дум пропал. И мы обеспокоены... — Чиновник покосился на молчаливого усатого майора. — Правитель наш, увы, не молод... С ним могло что-то случиться...

Густав мгновенно сложил два и два. Тетушка Нина вписалась в реконструкцию: ее могли пригласить для установления причины пропажи Дума. Проверить, жив астролог или мертв? Поскольку магически проверить самого Пантелеймона невозможно. Астрологи не знают точной даты его рождения — она известна только преданному Думу. Все личные вещи Пантелеймона защищены от всяческой (даже диагностической) магии, а ни один колдун под страхом смерти не решится делать прогнозов относительно правителя на «пустой воде».

То есть... придворные разыскивают Дума и стараются понять — что делать?!

Ведь если Пантелеймон сейчас лежит разбитый параличом, то помочь ему — необходимо. Но если все не так, то любопытным нагорит по первое число. Никто не решается взять на себя смелость: вызвать десяток магов, стереть сильнейший защитный код с двери, проникнуть в

спальню и проверить, не случилось ли с Пантелеймоном дурного?

И получается: правитель попал в ловушку собственной паранойи. Он запретил входить, надеялся на еще довольно крепкого Дума. Но если нужна помощь... никто не отваживается ее оказать. Все сидят в мокрых штанах, надеются друг друга и ждут пока все утрясется либо разрулится: правитель выйдет из опочивальни и поблагодарит народ за послушание. А вместе с ним покажется и хитровыделанный Дум.

Пантелеймон уже устраивал подобные встряски ради проверки придворных на лояльность.

Но Дум, как ни лояльничай, пропал впервые. И это напрягало умы и личную охрану. С майора Синьки, как заметил Густав, за семь минут семь потов стекло.

В обеспокоенной речи Велуха возникла короткая пауза — секретарь поперхнулся и потянулся за стаканом с водой. Полковник позволил себе вопрос:

— А зачем, собственно, вам я понадобился? — Шип недоуменно развел руками. — В охране Дворца достаточно видящих второй степени, способных сделать то же, что и я.

Велух снова покосился на майора и, тиская руки, вкрадчиво проговорил:

— Понимаете ли в чем дело, уважаемый

Шип... На данный момент во Дворце нет ни одного видящего вашего ранга. Высокочтимый Синька, увы, ничем не может нам помочь...

При этих словах секретаря майор машинально потер кожу за ухом, где стояла печать «абсолютного подчинения», обязательная для начальника личной гвардии правителя. Магическое тавро по сути дела. Оно не позволяло Синьке хоть в чем-то нарушить приказ Пантелеймона.

— Наш уважаемый майор связан обязательствами, — продолжал Велух.

— И? — Шип удивленно поднял брови. — Говорите конкретно, что вам нужно? Я не понимаю.

Велух сделал паузу, а после, решившись, твердо произнес:

— Нам нужно, чтобы вы осмотрели сквозь стену кабинета нашего правителя. Нам нужно знать, что с ним? Здоров ли государь или ему требуется помощь.

Густав пораженно подался назад. Просьба высшего чиновника обескураживала, пахивала чуть ли не предательством. «Подглядывать» за государем — немислимо, преступно! Но прежде всего, это невозможно выполнить. Стены полупустых личных покоев правителя давно не расписывались (Пантелеймон не имел семьи и большинство этих комнат пустовали), но защиту его кабинета недавно обновили, стена сверкала

свежайшей вязью магического рисунка.

Шип поглядел на Синьку, тот кисло поморщился. Велух продолжал:

— Мы не имеем права умолять майора нарушить присягу, приказ на устранение печати обета может отдать только правитель. Майор — невольник долга. Но согласился с тем, что нужно что-то делать и потому мы вызвали вас...

— Подождите, — перебил Густав. — А кроме полковника Захра и майора во Дворце больше нет видящих второй степени? Я не могу поверить в это.

Велух развел руками.

— Как ни прискорбно, но это так. Стечение обстоятельств, уважаемый полковник. На сегодня во Дворце нет ни одного видящего вашего ранга.

— И что? — полковник выразительно поглядел на полукруглую стену. — Сквозь эту роспись я тоже не смогу пробиться.

Шип пока не хотел говорить, что он в принципе не собирается этого делать. Окажись сегодняшняя ситуация очередной проверкой на лояльность, то в первую очередь пострадает тот, кто нарушил запрет. Тот, кто стал практически предателем. И пока Густав надеялся, что из затеи царедворцев ничего не выгорит по причине неосуществимости — сквозь сильнейшую магическую роспись не проникнет ни один взгляд.

— Это не так, — раздался в приемной

величественный густой бас. Из-за округлого поворота стены к столу выходил высокий крючконосый мужчина в долгополой черной мантии.

Полковник видел его впервые. Но даже если бы лицо незнакомца с опознавательными символами касты Магов полностью закрыл шелковистый капюшон, то по величественной походке и надменной посадке головы Шип сразу понял бы кто перед ним: к столу неторопливо шествовал представитель Верховных Магов. Такие попросту ходить не могут, они себя — несут.

Приблизившись к столу и встав за спиной Велуха маг сбросил с головы капюшон и предстал во всей красе — татуировки на скулах выдавали в нем величайшую врожденную силу, знаки на висках показывали, что колдун относится к клану Черного Братства. Наиболее сильного и уважаемого на материке. Карие глаза волшебника неотрывно буравили полковника.

Но Шип, хоть и несколько отвыкший от общества сильнейших магов, робеть не собирался. Выдержав пронизывающий взгляд колдуна, полковник с намеренной невозмутимостью и задумчивостью побарабанил пальцами по столешнице и изобразил лицом: «Ну? И что дальше?» В том, что запретительные символы невозможно удалить со стены, Шип не сомневался.

Как бы ни был самоуверен черный маг, но тут-то он обломится. Густаву было б даже интересно понаблюдать за его безуспешными потугами.

— Господин полковник, — привставая со стула, подобострастно залепетал секретарь, — позвольте представить вам главного астролога Дворца уважаемого Медиуса.

— Ах астролога, — пряча усмешку, пробормотал Густав. Наглухо застегнутая мантия колдуна была изнутри расписана знаками непроницаемости, и Шип не разглядел рисунок из звезд на ключицах Медиуса. Но сильно Шип не удивился: того, что всю эту изменническую возню инициирует придворный астролог, можно было ожидать. Все звездочеты подыхали от зависти к Думу. Любой астролог с удовольствием бы доказал Пантелеймону, что надеяться на одного прорицателя недальновидно и опасно.

Но самонадеянность дворцового звездочета показалась Густаву довольно странной: где астрология, а где защитная «рисовательная» магия? Как составитель гороскопов собирается укрощать неродственное ему колдовство?

Маг надменно вскинул подбородок, но пророкотал вполне доброжелательно:

— Рад нашему знакомству, полковник Шип. Я много о вас слышал.

«Интересно — что? — подумал Густав. —

Навряд ли придворные могли сказать хоть что-нибудь приятное». Шип с трудом выносил рабелепных шаркунов и не имел среди них друзей.

— Я знаю — вы один из сильнейших видящих, — продолжал Медиус. — И для нас большая удача, что вы оказались в городе и откликнулись на наше приглашение.

Густав не стал упоминать о том, что приглашение зачем-то оформили двумя трансформерами. Кивнув колдуну и показав, что принимает комплименты, полковник поинтересовался:

— Вы в самом деле намерены «подглядеть» за правителем? — Шип все еще не верил, что такая мысль могла возникнуть у этих перетрушенных господ.

— А разве вы сами не признаете необходимость данного поступка?

— Нет, — честно ответил Густав. — По правде говоря, я не хочу принимать участия в этом... заговоре. Поскольку подозреваю, что в крайнем случае вы сделаете меня крайним. Так?

Колдун поднял вверх раскрытую ладонь:

— Клянусь, что вы не услышите ни одного слова обвинения, полковник Шип. Мы сделаем все возможное, чтобы ваше участие осталось тайной.

— А невозможное? — усмехнулся Густав.

— Саул, — маг выразительно поглядел на

слугу, старавшегося быть незаметным, — ты уже сделал, что тебе приказано?

Бритый череп слуги склонился.

— Да, мой господин. У уважаемого Велуха на столе лежит бумага из канцелярии, где расписано приглашение для полковника Шипа. Уважаемого Густава приглашают в личную гвардию правителя Пантелеймона.

— То есть... — Шип задумчиво поглядел на астролога, — сейчас я вроде бы на собеседовании? — Медиус кивнул и только тогда опустил руку, все еще поднятую в клятвенном жесте. — Но приглашение в личную охрану я могу не принимать, так ведь?

— Все верно, Густав. Нам нужна помощь, после ее оказания вы вольны принять любое решение: перейти в телохранители правителя в прежнем чине или отказаться и уйти.

— А зачем мне в принципе вам помогать? Я не хочу ввязываться...

— Полковник! — перебил астролог. — Возможно, что сейчас, пока мы с вами разговариваем, правитель Материка нуждается в помощи! Вы — солдат, Шип! Вы давали присягу защищать свою страну и государя! Неужели вы — трусите?!

Маг наседавал на Густава, давил на чувство долга. Шип бросил взгляд на майора, тот густо

покраснев, отвел глаза. «Не исключено, что прежде на него давили точно так же», — подумал полковник.

Но майора защищало тавро привязанности к Пантелеймону и он смог отбрехаться.

Теперь же, выбрав крайнего — полковника, отвергнутого кастой, — придворные (а может быть, и заговорщики) заседали на бывшего начальника охраны.

Шип суматошно размышлял. Подвох был налицо, чтоб там не обещал астролог. Но девяностолетнему правителю и в самом деле могла потребоваться помощь. Пантелеймона, предположим, грохнул паралич и он сейчас лежит неподвижный и беспомощный, а его немолодой приближенный Дум вполне способен оказаться в той же комнате. Увидев парализованного правителя звездочет и сам мог окочуриться от разрыва сердца.

«Что делать?.. Соглашаться или...»

Или. Послать всех к чертовой матери. Причем, немедленно. Выйти из Дворца и напиться вместе с циркачами. Забыть.

«Забыть?.. А если потом окажется, что моя трусость погубила государя? Если в этой комнате собрались не заговорщики, а искренне обеспокоенные люди? Кем я тогда останусь для потомков... трусливым наблюдателем за цирковыми представлениями, горе-вожкой,

овеянным позором?...»

Сказать по-совести, Густав, как и большинство сограждан, считал Пантелеймона величайшим из государей. Шип родился и прожил до сорока двух лет во времена его правления, но будучи образованным человеком отлично знал, как было прежде. Он изрядно ознакомился с исторической литературой и почитал Пантелеймона знаковой фигурой. Колоссом, реформатором. Хотя когда-то тот был государственным преступником.

Но даже государственных преступников закон допускал на Испытания Троном. Раз в пять лет Трон, восемь веков назад созданный великими волшебниками, служил индикатором способностей потенциальных правителей. Каждый из испытуемых, усаживаясь на кресло, вытесанное из скальных пород Дворца, мгновенно получал оценку. Трон менял окраску и показывал, насколько человек пригоден для высшей должности. Проверку могли проходить не только представители знатнейших фамилий и могущественных каст, но и простолюдины.

Пантелеймон же был не только простолюдином, он был — бунтарем. Незаконнорожденным мятежником, сыном слуги и знахарки, чей брак тогда не признавал закон.

Пятьдесят лет тому назад разыскиваемый крамольник заявился на Испытание в окружении

своих приспешников. Огромная природная пещера, издревле считавшаяся главным церемониальным залом государства, была заполнена нарядно одетой взбудораженной толпой. Колдуны и видящие, телепаты и простолюдины-слуги, что не имели никаких магических способностей, один за другим садились на Трон. И могущественный фетиш, чаще оставаясь равнодушно-серым, изредка окрашивался в слабые цвета, отвергая притязания или даря надежду испытуемым.

Обнадеженных было уже четверо. Все они получили от Трона одинаково комплементарную оценку в виде слабого оранжевого свечения. Но безусловного победителя пока не наблюдалось. На человека с исключительными способностями к управлению Трон реагировал стремительно и однозначно: каменное кресло как будто раскалялось и приобретало пурпурные царственные цвета — от фиолетово-красного до темно-бордового. И тут надо сказать: глубокого, истинного пурпурного цвета Трон не выдавал уже почти два столетия. Он словно намекал: перевелись неординарные правители... или попросту не доходили до Дворца.

Оставаясь под сиделищем очередного претендента хладно серым, Трон обрекал самонадеянного человека на вечные насмешки. Поскольку, избавляя церемонию от тысяч бестолковых соискателей, давным-давно возник

обычай — «серых» подвергали осмеянию, дабы уменьшить бесполезное число явившихся за секундным вниманием толпы.

Но как бы там ни было, четверка относительно приемлемых правителей уже топталась по правую сторону от тронного возвышения, когда в зал, рассекая богато разодетую толпу, вошел Пантелеймон и двадцать его последователей.

Густав читал историческую справку, повествующую о событии, там летописец сообщал: «...Шумный зал затих мгновенно. Пантелеймон, держа голову высоко поднятой, шагал к величественному Трону. Знать провожала его недоуменными и злобными взглядами. Кое-кто начал злорадно шушукаться, предрекая скорую смерть мятежному простолюдину...»

Пантелеймон и вправду рисковал головой, придя на Испытание. За ним уже давно велась охота, глашатаи объявили баснословную награду за его поимку. Но чернь своих не выдала, Пантелеймона укрывали в тавернах и лачугах, в портовых доках и пастушьих шалашах...

Но запретить Пантелеймону участвовать в Испытании никто не мог, хотя позже, если Трон его отвергнет, мятежник попадал в руки закона. Из зала охрана его уже не выпустила бы. Пантелеймон поставил на карту не честь, а жизнь.

Под все возрастающий злорадный гул мятежник сел на Трон.

И тот — расцвел. Монолитный каменный Трон, словно причудливый гриб вырастающий из пола пещеры, не просто превратился в сгусток глубочайшего пурпура, он испустил лучи, окрашенные на концах в золотистые оттенки. Цвет золота набирал яркость, становился нестерпимым и слепящим...

Подобную окраску Трон приобретал лишь однажды семьсот лет назад, когда на него взошел величайший из правителей — Валентин Великолепный. Те времена считались благословенным веком, при Валентине расцвели ремесла и искусства, смирившись войны и не возникали эпидемии. Валентин остался в памяти народа мудрейшим из мудрейших, справедливейшим из справедливейших.

Но Валентин принадлежал к могущественному клану Белых Магов. А пять десятилетий назад на Троне восседал бастард, преступник. Летописец сообщал: «Лица многих покрыло негодование, кого-то обуяла злоба, четверо претендентов замерли, а вскоре их руки потянулись к эфесам.

Но Трон — сиял! И это было столь безусловно и ярко, столь бесспорно в доказательствах избранности сидящего на нем, что недовольство

быстро потонуло в выкриках восторженности!

Народ приветствовал нового правителя. Оспорить право Пантелеймона на Трон никто не мог, и руки претендентов выпустили эфесы, их головы склонились...»

Взойдя на престол Пантелеймон сразу взялся за реформы. Прежде всего он устранил запрет на межкастовые браки и сделал их законными — бастарды ликовали! Потом упразднил клановую иерархию, деление каст на привилегированные и малозначительные. Чуть позже занялся объединением земель под единое начало. Это дело оказалось чрезвычайно сложным и заняло почти четверть века, поскольку многочисленные князьки, графы и бароны совсем не собирались уходить под чью-то власть. С государствами, где короны передавались по наследству, а правителя раз в пять лет Трон не проверял на способность к руководству, договориться оказалось трудно. В особенности принцев крови раздражал момент выбора названия для объединенного государства. Никто не хотел примыкать к иной державе и лишаться собственного имени, это стало камнем преткновения.

Пантелеймон предложил принцам крови компромисс. Все государства находились на одном огромном материке, имеющем в соседстве несколько больших островов. Пантелеймон внес

предложение объединить все земли в единую державу, именуемую географически и обезлично — Материк. А так же изъял из употребления название главного города, предложив именовать Соренсу попросту «столицей».

Удивительно, но почему-то это предложение пришлось по нраву гордым принцам: Материк подразумевал необъятную величину. И страсти постепенно улеглись, тех кто не захотел утихнуть по-доброму, усмирили силой. Через двадцать пять лет после восшествия на Трон Пантелеймона под его правлением оказалось государство Материк. С единой валютой, торговыми законами и некоторыми правовыми различиями в зависимости от традиций провинций.

За это время Пантелеймон еще четырежды проходил Испытания Троном и каждый раз каменное кресло — расцветало. Претенденты, конечно же, являлись в Тронный Зал. Усаживались на холодный камень. Но за все эти годы никто не смог соперничать с Пантелеймоном.

И в какой-то мере, эта ситуация была понятной. Занимаясь законотворчеством и улещая новых вассалов, Пантелеймон попутно взялся за строительство. В течении всех этих лет он много сил и средств отдал строительству канала, проводя водный путь из Срединного моря к океану. Объединил в единую цепь несколько судоходных

рек, что упростило купечеству путешествия, а это повлекло за собой развитие промышленности и дважды спасало от голода пострадавшие от засухи провинции Материка.

Трон всячески благоволил Пантелеймону и альтернативы правителю не выдавал. Более сорока лет его окраска оставалась пурпурной, и хотя в последние пятнадцать лет золотистые лучи уже померкли, никто не мог соперничать с правителем.

Но все-таки Пантелеймон — старел. Два последних Испытания прошли уже не так бравурно, без восторженных «ура!» толпы. Могущественные кланы, казалось, разгадали причину столь долгой успешности дряхлеющего правителя: Пантелеймон, по их мнению, загодя составлял мысленный список предстоящих реформ и усаживался на каменное кресло, доподлинно зная ситуацию в стране, зная ее слабые места. То есть, он заранее до тонкостей определял, что может предложить волшебному артефакту и всегда придерживал в рукаве некий козырь, способный убедить магическое кресло в том, что он лучший, как и прежде. Мол, он еще не все успел сделать для страны, он — объединитель и заступник, за ним сила и поддержка не только простонародья, но и здравомыслящего купечества, промышленников. За Пантелеймоном стояла армия, претерпевшая ряд успешных реформаций.

В связи с чем, предваряя очередные

Испытания, касты выходили на них уже объединенными. Составляя список государственных усовершенствований, они выбирали наиболее достойных кандидатов и выступали единым фронтом.

И эта тактика, надо отметить, возымела действие. На двух последних Испытаниях Трон окрашивался алым цветом, когда на нем оказывались делегаты колдунов и телепатов. Под Пантелеймоном, правда, Трон так и оставался пурпурным... Но дело, как хотелось бы надеяться претендентам, — сдвинулось. Превосходство Пантелеймона уже не выглядело столь безусловным и разгромным, и он старел, старел, старел...

Густав вспомнил о вспыхнувших после последнего Испытания восстаниях в северных провинциях: кто-то пустил слух, что Трон — подменен! Поскольку, правитель восьмидесяти пяти лет отроду никак не может соперничать с молодыми и амбициозными представителями лучших семейств. В подобное поверить невозможно, а значит: Трон подделан и Материком управляет уже самозванец!

Те беспорядки кроваво подавили. Что, естественно, вызвало недовольство вассальных принцев не только на севере. Слухи о подделке Трона продолжают муссироваться до сей поры и достаточно малейшей искры, чтоб снова вспыхнули

бунты — не все наследники довольны согласием предков на объединение и уход под власть одной короны. Им только волю дай, опять все разбегутся... Расчленят государство на сопредельные графства и княжества... Пойдут (с войсками) делить каналы, пастбища и спорные рудники...

Подумав над этим, Шип решил.

— Хорошо, — сказал астрологу. — Если вы считаете, что с правителем произошло несчастье, то я сделаю все, что от меня потребуется.

В голосе полковника слышался вопрос и чувствовалось сомнение. Во-первых, Густав мог предположить, что Пантелеймон устроил ревизию благонадежности, а во-вторых звездочет таки не сумеет укротить запретительные знаки. И все пока — слова, слова...

Медиус же, напротив, ничуть не сомневался. Повелительно взмахнув рукой, астролог приказал полковнику встать и двигаться за собой.

Густав послушался, прошел за выгиб стены — все прочие остались у стола — Медиус приблизился к светящемуся знаку, Шип пригляделся...

И сердце его забилось в предчувствии беды. В густой вязи запретительных символов неярко мерцала — звезда. Ее лучи, похожие на острые льдистые шипы, слабо пульсировали. То есть, еще

на зная, что полковник согласится, Медиус ее «разогревал». Готовился к запрещенной здесь магической работе, хотя уже одного факта наличия звезды хватало для обвинения в государственной измене.

Расписывавшие стену колдуны не могли оставить в густой вязи символов хоть что-то определенное! Нечто, способное позволить представителю какого-то магического братства разрушить их работу. В появлении на стене звезды усматривался вернейший признак давно тлеющего заговора. Медиус не успел бы начертать звезду сегодня — это сложная и поэтапная задача, и то есть... астролог загодя готовился к подобному повороту событий?!

Шип гневно поглядел на звездочета.

Медиус приподнял уголок губ. Выдержал взгляд и паузу. Проговорил:

— Вы думаете, что это моя работа, уважаемый полковник? Да? — Густав мотнул подбородком и звездочет предложил: — Но посмотрите, Шип, где расположена звезда. В самом углу, сокрытая от посторонних глаз и посетителей.

— И что?!

— А то, мой друг, что эту звездочку оставил — Дум. Каким бы приближенным мой коллега не был, он тоже не решался запросто входить к правителю. Прежде чем вскрывать запечатанную

заклятием дверь Дум предпочитал убедиться — ждут ли его?

— Докажите, — выпятил нижнюю челюсть Шип.

— А как? — Медиус уныло улыбнулся. — Если бы Дум был рядом, тогда конечно... Тогда бы я вам доказал...

— Не юродствуйте!

— И в мыслях нет, — вздохнул астролог. — Ну что?.. Я приступаю или вы поджали хвост?

У Шипа появилось дикое желание звездануть звездочета по сопатке. Не хотелось думать, будто Медиус брал вояку на слабо — он все же умный человек, понять способен, что перед ним не задиристый недоросль, а человек умеющий собой владеть. Но все же... «поджатый хвост» кого угодно разозлить способен.

А Медиус продолжил действовать в выбранном ключе. Придав лицу выражение безмерной усталости от всеобщего тугодумия и трусости, астролог тихо выговорил:

— Я начинаю или вы продолжите девочку-белошвейку изображать? Полковник... черт возьми... я рискую больше вашего. Кровать правителя находится прямо под этим знаком, взгляните, убедитесь, что он здоров, и можете быть свободным!

— Приступайте, — стиснув зубы, прошипел

Густав. — Но если что...

— Можете не продолжать, я знаю. Вы пришибете меня, одним шлепком. Так?

— Обязательно.

Медиус поморщился. Отвернулся от полковника и приложил ладонь к мерцающей звезде.

Звездочка, только что казавшаяся намертво впечатанной в кирпичную кладку, начала растворяться. Исчезать под ладонью мага. Стена как будто продавилась... В едином монолите возникло круглое оконце... Но его продолжала загораживать рука астролога...

И Густав понял, почему придворному потребовалась помощь видящего второй степени: плоть, непроницаемая для прочих видящих, закрывала обзор. А также стало ясно, что объявляя звезду собственностью Дума, астролог не соврал: несанкционированная звездочка не была подчинена Медиусу, он не мог убрать ладонь и продолжал прямой контакт с чужим творением.

Шип вздохнул и сосредоточился. «Размыл» обычное зрение — росписи на стенах, теряя фокус, стали перемешиваться, расплываться... рука астролога уподобилась ладони костлявой Смерти. Но тонкие белые косточки не загородили от видящего все «оконце»...

Густав смотрел на комнату. Formой она

напоминала половинку арбузной дольки, из мебели в ней только самое необходимое для работы и отдыха правителя. Вплотную к изогнутой стене примыкало изголовье кровати под узорчатым балдахинном.

На постели со сложенными на груди руками лежал человек. Безусловно это был Пантелеймон. Вне всякого сомнения Пантелеймон был — мертв. Его грудная клетка не вздымалась при дыхании.

Шип облизал пересохшие губы и хрипло выдал:

— Все кончено. Правитель мертв.

Белые косточки, прикрывавшие «оконце» словно веер, задрожали. Медиус шепнул:

— Вы уверены?!

— Абсолютно. Пантелеймон скончался. — «Веер» начал уползать со звезды, но Шип остановил движение астролога: — Подождите, Медиус, в комнате еще есть люди.

— Что?!

— Там двое живых и еще один мертвец.

— Кто?!

Сиплый голос звездочета втыкался в ухо полковника, как горячее веретено, короткие вопросы долбили мозг и мешали сосредоточиться. Шип поморщился:

— Не мешайте мне. Второй мертвец — астролог Дум. Я его не раз встречал и хорошо

помню. Кто у стола стоит... не разберу. Эти двое наклонились над бумагами, стоят спиной ко мне...

— Как они одеты?!

— На одном из них плащ с защитными рисунками, я вижу только его голову и шею. Второй... мужчина снял накидку... Но он тоже стоит спиной и я не вижу его знаков. Хотя головы их не обриты, то есть, они не слуги и не простолюдины...

Медиус стремительно убрал ладонь с «оконца» и задышал так тяжело и часто, как будто два часа без остановки бежал в гору.

Шип повернулся к царедворцу. На звездочете не было лица. Оно превратилось в посмертную маску, искореженную ужасом. Посеревшие губы астролога помертвели и не могли извергнуть звука, глаза остекленели и сосредоточились на одной точке...

Астролог пытался думать. Но шок от сообщения полковника лишил его не только дара речи, но и способности здраво рассуждать — глаза Медиуса выдавали, что он находится в совершеннейшем ступоре. Звездочет всего лишь хотел узнать жив ли их правитель, а случайно наткнулся на свидетельство антигосударственного заговора. На людей, что тайком проникли в покои правителя, роются в его бумагах и, может быть... убили Дума. А не исключено... убили и

Пантелеймона.

Медиуса затрясло. Он был неглупым человеком и быстро понял, что столкнулся с неведомой и очень могущественной силой. Заговорщики, что тайком проникли в самую охраняемую комнату державы, не могли быть случайными одиночками, они наверняка принадлежат к серьезной тайной организации... Они величина, а не пылинки!

Медиуса обуяла паника. Дворцовый астролог слишком хорошо знал, как скоро расправляются с людьми, вмешавшимися в чьи-то планы. Тем более, что нынче речь идет, возможно... о захвате власти.

Звездочет громко сглотнул и беспомощно поглядел на полковника.

А Шип, чего уж тут скрывать, и сам стоял прилично обалдевший: он понимал, что стал свидетелем преступного заговора. Да что там «стал свидетелем», пораженный в правах полковник его — раскрыл!

— О том, что правитель умер, а в его комнате есть люди, надо немедленно сообщить, — решительно сказал гвардеец.

Шип резко развернулся, собираясь выйти к начальнику охраны Пантелеймона и его личному секретарю, но Медиус схватил полковника за руку и дернул на себя.

— Стойте! — зашипел. — Я сам скажу.

Потом.

— Почему это — потом? Выловить тех, кто проник в кабинет правителя, задача Синьки. Действовать надо немедленно!

Продолжая держать полковника за руку Медиус забормотал:

— Подождите, подождите... дайте подумать... не будем пороть горячку, Густав...

— Да почему?! — искренне опешил вояка.

— Синька отвечает за охрану. Без его разрешения к кабинету близко никто не мог подойти... — Округлив глаза, астролог выпучился на полковника: — Что если Синька заговорщик... а за порогом приемной взвод охраны... из его людей...

— Не сходите с ума, Медиус! — шикнул Густав. — Майор с тавро-печатью не может стать предателем!

На секунду прикусив губу, астролог внес поправку:

— Майор или секретарь. Они оба имеют здесь влияние, могли кого-то пропустить... Если Синька знал, что правитель умер, то печать уже не имеет над ним власти... Так, — голос и взор придворного обрели решительность и твердость, — мы выходим к ним, говорим, что ничего не получилось. Вы, Густав, уезжаете.

— Зачем?! Во Дворце — заговор!

— Вы — уезжаете, — приказным тоном повторил представитель Верховных Магов. — Мне нужно время, чтобы разобраться и доложить о преступлении. Но для этого, полковник, нам обоим необходимо выйти из покоев государя. Живыми, как вы понимаете.

— Вы все-таки сошли с ума...

— Пускай. Пускай я говорю, как сумасшедший. Но лучше быть живым безумцем, чем мертвым умником. Вы понимаете меня, полковник? — Медиус испытывающе поглядел на Густава, но не дождался, чтобы тот хоть как-то выразил согласие. — Считайте это приказом, полковник.

Шип разозленно фыркнул:

— Вы не имеете права отдавать мне приказания.

— Как только я сообщу о преступлении, Дворец окажется на осадном положении, полковник. А вы здесь — приглашенный. Гость. Или мне напомнить о вашем поражении в правах?

Лицо астролога находилось вплотную к Шипу. Полковник с трудом подавил желание яростно зашипеть в раскрасневшуюся крючконосую рожу. Он понимал, что по большому счету звездочет совершенно прав. Как только астролог доложит о проникновении в покои государя, поднимется переполох, все выходы

перекроют, начнется тотальная проверка всех, кто находился во Дворце на тот момент...

И есть еще один немаловажный факт: дворцовая субординация штука архисложная. Верховный астролог здесь — величина. Случись чего, всех собак повесят на временно отринутого орденом телохранителя.

«Выслужиться хочет, — разглядывая перекосившееся лицо Медиуса, предположил гвардеец. — Собрался первым доложить о раскрытии заговора, получить себе все лавры... А если что-то пойдет в разрез с его надеждами, меня всегда найдут и голову намылят. Или веревку для шеи».

А ну его, подумал Шип. Не позволил брезгливости выплеснуться на лицо и коротко кивнул:

— Хорошо. Разбирайтесь тут сами, я уезжаю.

Прежде чем развернуться полковник поглядел на стену, где только что сияли голубые личики, и увидел, что звезда — исчезла. Пропала в густой магической росписи, сравнялась красками с прочими завитушками. И если б Шип не знал в точности о существовании крамольного рисунка, то ни за что не нашел бы его в виньетках причудливого орнамента. Звезду упрятали чрезвычайно ловко.

...Из-за полукруглого поворота стены Медиус

вышел первым. Раскидывая ногами полы балахона и притворяясь разраженным, астролог прошел до стола, где сидели Синька и Велух. Хмуро глянул на примостившегося поодаль Саула. Остановился на мгновение и разочарованно бросил:

— Ничего не получилось, звезда мне подчинилась. Увы. Велух, — астролог строго поглядел на секретаря, — выпишите полковнику пропуск, он больше здесь не нужен.

Не дожидаясь ответа канцеляриста Медиус стремительно пошагал к двери. Приложился к ней тыльной стороной запястья с печатным символом, позволявшим главному астрологу свободно ходить по резиденции, и скрылся за порогом.

Велух взял перо, обмакнул его в чернильницу, собираясь выписать Густаву бланк разового пропуска, но задержал руку навесу и внимательно поглядел на кислого полковника.

— У вас ничего не получилось? — в привычной вкрадчивой манере поинтересовался секретарь. — Чего же так?.. Вина ваша или... наш великий грамотей чего-то не сумел и обмишурился?

— Оба постарались, — уклончиво ответил Шип.

— Может быть, полковник, вы все же почитаете договор о найме в личную охрану правителя? Условия, я вас уверяю, превосходные. Через восемь дней у вас заканчивается срок

поражения, и есть возможность вернуться во Дворец в прежнем звании, но уже в привилегированный полк...

«Похоже, они здесь все уверены, что служба во Дворце — венец мечтаний!» — чуть разозлился Густав, но вслух сказал:

— Спасибо, у меня уже есть планы, я откажусь.

Шип взглядом напомнил секретарю о мокнущем в чернильнице перо. Велух быстро заполнил бланк, помахал им, дабы просохли чернила, и протянул бумажку полковнику.

— Очень жаль, Густав. Подумаете. Как вы уже видели, у нас есть недостаток в людях вашей квалификации.

Канцелярист говорил так важно, словно это от него зависело — принять Густава Шипа на службу в личную гвардию правителя или пинком под зад за дверь отправить. Пантелеймон тут типа ничего и не решает.

«А ведь и не решает уже, — опечалился полковник. — Светлая память правителю Пантелеймону... Хороший был мужик. Справедливый, скромный, труженик».

Печаль на лице Густава секретарь адресовал досаде неудачи. И поддержал полковника словами:

— С каждым случается, господин Шип. Роспись на этих стенах недавно обновили...

Работали лучшие маги... Всего хорошего, многоуважаемый Шип. Саул. Проводи полковника.

Слуга-канцелярист с готовностью подскочил и засеменял к двери. Вышел в коридор, но Густав задержался.

— А когда обновляли роспись стен, Велух?

— Чуть больше месяца назад.

Шип подумал и поинтересовался:

— А мастера, что здесь работали — прежние?

Проверенные?

— Разумеется, — сухо кивнул секретарь.

— За ними кто-нибудь приглядывал?

— Да. Я и господин астролог Дум.

Секретарь наклонился над какой-то бумаженцией и дал посетителю понять, что визит окончен.

Густав попрощался с Синькой, вышел за дверь и, погруженный в тяжкие мысли, почти не ощутил былого недовольства, когда увидел в коридоре поджидавших его трансформеров — щуплого низкорослого и широкоплечего верзилу.

Трансы пристроились в спину бывшего начальника охраны, пропустили вперед и юркого обритого слугу. Все четверо пошагали к выходу из резиденции, где Саул простился с Шипом.

Все та же карета с фиолетовой отметиной на дверцах приняла полковника и трансов. Щуплый

лис устроился на диванчике рядом с Густавом, амбал расположился напротив, и экипаж неторопливо поехал по широкой дороге к городу.

Шип невнимательно смотрел в окно. Попытался представить, что сейчас творится во Дворце, старался на вскидку прикинуть, куда помчался звездочет с докладом. «Скорее всего к верховному дворцовому магу, которому наушничают все колдуны. Интересно, они догадаются выставить оцепление за периметром резиденции?» — Глядя в «оконце» сквозь кости звездочета Шип попытался разглядеть в комнате не только людей. Полковник надеялся, что заговорщики оставили открытой секретную дверь, ведущую из покоев государя. Поверить, что майор Синька участвует в заговоре и пропустил кого-то в кабинет правителя, Шип не мог. То есть, преступники проникли в покои Пантелеймона как-то еще. Они смогли заставить Дума показать им проход через потайной коридор, могли чем-то его улестить... но это — вряд ли. Дума по-собачьи предан Пантелеймону. Был. И сейчас необходимо первым делом оцепить резиденцию вдоль внешнего периметра и ждать людей, что выберутся за оградой из подземного коридора.

Во всяком случае сам Шип поступил бы именно так.

Но знать бы, к какой клике принадлежат заговорщики?.. Кто они? Посланники одной из

мятежных провинций или местные деятели?

«Если в заговоре участвуют колдуны, то звездочет, случайно наткнувшийся на его свидетельства... обречен». Медиус мог попасть в ситуацию, когда левая рука не знает, что делает правая...

Полковник полностью сосредоточился на размышлениях и не заметил, как карета свернула с дороги до столицы. Только почувствовав, что повозку начало потряхивать на ухабах, Густав машинально глянул в окно. И не увидел за ним привычного пейзажа городских окраин — карета повернула к Северным горам и ехала уже впритирку к скалам. А сидящий напротив трансформер как-то странно присобрался и напрягся. Изготовился.

Густава спасло лишь то, что он был не только солдатом, но и квалифицированным телохранителем. Обычный войсковик уделит бы основное внимание сидящему напротив амбалу. Тот был молод, крепок и выглядел наиболее опасным. Но Шип-телохранитель знал: из двух потенциальных нападающих опасен тот, кто ближе. Тем более если он находится вне зоны прямой видимости, сбоку.

А сидящий напротив амбал, скорее всего, будет отвлекать на себя внимание. Его активизация послужит сигналом начинающейся атаки.

Шип слегка опустил веки, из-под ресниц стрельнул газами на щуплого соседа справа...

Тот — трансформировался!

Будь Густав обычным видящим, он ни за что не разглядел бы, как вытягивается и заостряется крайняя фаланга среднего пальца на правой руке трансформера. Лис сидел справа и прятал изменявшуюся кисть за бедром.

Шип впервые наблюдал подобное явление. Слышал, что некоторые трансформеры умеют придавать фалангам пальцев лезвийную остроту, но встретился с таким феноменом впервые: средний палец лиса уже превратился в острую костяную иглу! Ноготь видоизменился и стал напоминать обоюдоострый наконечник. Пронзить таким живот — раз плюнуть.

Шип обратно сфокусировал зрение. И незаметно напряг мышцы.

Сидящий напротив верзила вытянул ноги через проход, «случайно» толкнул мыском ботинка сандалию Густава и, скрестив на груди руки, усмехнулся явно напрашиваясь на вспышку негодования полковника.

«Начинается!» — мгновенно догадался Шип.

Рука щуплого соседа выскочила из-за бедра, полковник понял, что «игла» нацелилась ему под ребра!.. А дальше пойдет вверх, разрезая внутренности до сердца!

Рубящим ударом правой ладони Густав отклонил удар, кулаком левой руки собрался треснуть транс в челюсть...

Но в тот момент повозка подпрыгнула на ухабе. Рука-копье, отброшенная Шипом, увлекла тощего лиса за собой. Транса перекинуло через проход... «игла» со всего размаха вонзилось в живот амбала!

Причем левый кулак Густава, надо заметить, тоже долетел до цели. Правда метился полковник в челюсть, а врезал костяшками по кадыку трансформера...

И это вышло крайне плохо.

Шип никогда не встречался на тренировочных боях с трансформерами. Но слышал, что у них чрезвычайно хрупки постоянно изменяющиеся кости, что, понятно, и позволяло им меняться. Причем считалось, чем выше талант меняющего форму, тем его кости более подвержены ломке.

Сегодня Густав убедился лично: отличный транс похож куклу из фарфора. А сидящий рядом лис был шикарным представителем породы — его рука стала острой, словно отточенная бритва! И бритве, пожалуй, особенная прочность ни к чему. У лезвия иная задача — вскрыть чье-то брюхо и перерезать вены и артерии.

...Оба транс умерли почти мгновенно. На лице амбала зафиксировалось выражение

бесконечного изумления: в его живот почти по локоть ушла рука собрата, скончавшегося от удушья, когда кулак полковника раздробил ему кадык. Этот транс сипел чуть дольше своего приятеля.

Смерть расправила искаженные лицевые мышцы, и на щеках покойников четко выступили символы привелигированного, странноватого ордена Шпионов.

Шип сидел в карете в обществе двух мертвецов. На очередном ухабе повозка подскочила и покойники начали заваливаться в проход. Кровь из живота амбала выплеснулась на лодыжки полковника.

Шип автоматически подобрал ноги. Мертвых он повидал немало. И тех, что сам убил, и тех, что убивали его однополчане. Нередко хоронил своих.

Сейчас он оказался в ступоре. Мысль: я убил дворцовых служащих, давила на мозг и придавала ситуации полнейшую абсурдность — бывший начальник охраны правительственной резиденции, полковник, менее чем за час совершил два к ряду преступления. Вначале поддался на уговоры и «подглядел» в покои высшего государственного лица. Сейчас... и вовсе докатился до убийства.

И дела нет, что защищался! Факт остается фактом: лишенный прав вояка убил двух

действующих представителей шпионского ордена!

«Нет, нет, — отодвигая от себя тела, подумал Густав. — Я защищался. Если подвергнуть меня ментальному допросу, то доказательства — будут. Телепаты выскребут из моей черепушки всю правду. Докажут, что трансы нападали первыми, я отбивался и не моя вина, что колымагу потрянуло... Все только случай, случай...»

День у полковника выдался, мягко выражаясь, сложным. Нервы перегрелись до окалины и, казалось, уже лопались со звоном.

Густав приказал вернуться хладнокровию. Остыть, опомниться. И снова стать тем, кем он всегда являлся: военачальником, уверенным в себе на сто процентов.

«Без нервов, Шип, все в порядке, — выравнивая дыхание, твердил себе полковник. — Положение шаткое, к заду припекает, но на войне выпутывались и из вовсе безнадёжного дерьма».

На то, чтоб совладать с головокружительной проблемой Густаву хватило нескольких минут. Он глубоко вздохнул, тряхнул головой и понял, что вполне готов соображать и действовать в привычном ритме.

Шип не знал, куда кучер направляет карету. В скалах полно укромных расщелин, где можно спрятать тело, завалив его камнями. Вероятно, трасы так и поступили бы, а кучер сделал вид, что

он сюда на безмятежную прогулку выехал.

Не медля больше ни секунды полковник распахнул, украшенную правительственной символикой дверцу, и выкатился в придорожный кювет.

Затаился в пыльном бурьяне. Потом осторожно приподнял голову... карета продолжала удалялась к морю. Возница не настегивал лошадок, а ждал, когда от трансформеров пройдет сигнал на остановку.

Порядок. Можно выйти на дорогу и скорым пешим маршем чесать до города. С северной стороны столицу прикрывали горы, надобности в укрепленных стенах не было, Шип хотел успеть проскочить через город до южных ворот и добраться до казарм родимого полка, расквартированного в пригороде.

Добраться до своих. Они не выдадут судейским и не позволят огульно записать однополчанина в преступники! А уже там решать, как поступить. Если повезет, если генерал окажется в полку, то лучшего советчика Густаву не надо.

Генерал, конечно, поворчит. Разумеется припомнит, как когда-то отговаривал подполковника переходить на службу в правительственный полк. Упрекнет, что Шип когда-то не совладал с амбициями и соблазнился внеочередным званием и громкой должностью...

«И поделом! — уминая сандалиями пыльный гравий, корил себя полковник. — Тоже мне... гвардеец выискался! Пышности тебе не хватало, да?.. Хлебнул ты этой «пышности» вначале у (скота)промышленника, затем у циркачей... на задворках...»

Шип представил как побитой собакой появляется перед генералом. И остановился. «Дьявол! Что-то я совсем раскис».

Н-да, три года в камерке за ареной не сказывались даром. Шип предполагал, что поражение в правах он сносит стойко. Тем более что это было не слишком сложно: практически каждый солдат при встрече продолжал отдавать ему честь — история спасения мальчишки-циркача надела много шума, и армейцы поддержали полковника. Почти никто из них не дал ему почувствовать себя униженным.

Но все же... где-то на подкорке все же затаилось ощущение пригнутого достоинства. Едва над Шипом вновь сгустились тучи, как он представил себя побитой псиной, приползающей на брюхе к генеральским сапогам.

Полковник поднял голову и поглядел на небо. Расправил плечи и полной грудью вздохнул прожаренный раскаленными скалами воздух.

Так не пойдет, подумал. К своим — на брюхе?..

Нет. Приду за помощью, но гордо. Просить защиты, умолять — не буду. Окажут — поблагодарю. Но если хоть одна насмешка, хоть один укол... От генерала вытерплю, так как влетит за дело, черт возьми! Но от остальных однополчан... нет, ни за что!

Шип сурово сдвинул брови и пружинящей походкой припустил вперед. Ударяя пятками о плотно сбитый гравий, он выбивал наружу притаившееся, примолкшее на четыре года армейское достоинство.

Сразу за огородами городской окраины стояла небольшая корчма, распространявшая по округе умопомрачительные запахи жарящегося мяса и свежеспеченного хлеба. Густав тут же вспомнил, что не ел почти сутки. От голода и треволнений кружилась голова, полковник решительно направился к таверне.

Время на перекус у него имелось. По прикидкам Шипа в запасе есть не менее полутора часов. Пока кучер догадается проверить, отчего это пассажиры молчат как проклятые, пока прискачет обратно во Дворец, и там суматошно порешают, что делать дальше?.. Ведь возница, наверняка, примчится к человеку, отдавшему приказ убить не простого видящего, а очень даже начальника гвардейцев. Пусть и бывшего, но уважаемого в

армии.

Потом еще неудачу покушения нужно будет тщательно обмозговать, подстраховаться. Ведь Шип способен заявиться в суд и дать ментальные показания о том, что на него напали дворцовые шпионы.

И по большому счету, если бы не случай четырехлетней давности, полковник так и поступил бы. Прямоком из придорожной канавы направился б к судейцам и заявил о государственной измене. Причем начал бы конкретно и именно с измены. Собираясь давать показания перед судейскими изуверами-телепатам, ничего утаивать нельзя. Ведь все равно мозги наизнанку вывернут и докопаются до подноготного.

Но подноготное-интимное пес с ним. Никаких особенных тайных страстишек Шип за собой не замечал, а шашни с чужими женами не в счет, поскольку на постельные забавы с видящими мужья-простолюдины глядят сквозь пальцы — родить ребенка со способностями мечтает практически каждая женщина из простонародья. (Хотя по мнению полковника и зря.)

Густава тревожило другое. Четыре года назад он напрямую столкнулся с неоднозначными порядками Дворца. Тогда разыскивали паренька-рассыльного, который почему-то скрылся, и старший чин курьерской службы подошел к

начальнику охраны со странной просьбой:

— По возможности, — сказал, — не берите Вильяма живым.

— Не понял, — удивился Шип.

— Ну... — чинуша многозначительно приподнял аккуратные брови, — бывает всякое... Беглец может оказать сопротивление... попытается от вас сбежать... Так вот вы дайте указание своим подчиненным, чтоб те особенно не церемонились. Вы понимаете меня?

— Нет, — сразу и четко определился Густав. — У меня есть приказ разыскать и доставить сбежавшего рассыльного Вильяма и я исполню его в точности.

— Нельзя быть таким непонятливым, — поморщился глава курьеров и глашатаев. — Во Дворце непонятливые надолго не приживаются.

— Вы мне угрожаете?

— Ох. Вы снова меня совсем не поняли, — чинуша скроил кислую пренебрежительную мину.

Шип мальчишку разыскал. Надавал тому по шее. И живым-здоровым представил в канцелярию.

Что с пареньком произошло, почему его разыскивали всеми силами, Густав мальчика не спрашивал, а тот не откровенничал. Шип просто лично довел зарезанного рассыльного до кабинета начальника дворцовой канцелярии и убедился, что никто не перехватил мальчишку по дороге.

А на следующий день — уволился со службы. Получать неоднозначные, дурно пахнущие указания от всякого дерьма и брать их в исполнение, офицер гвардии не собирался. Понимал, что за «непонимание» ему обязательно отомстят, и не захотел мараться-связываться.

Шип перешел в телохранители. Год сберегал от мордобоя владельца тучных пастбищ. Потом... известно, что случилось.

Короче, Шип, как ни смешно, был тертым царедворцем и вполне мог предположить, что нынешнему заместителю полковника Захра отдадут подобный же попахивающий дерьмом приказ, и тот его исполнит. (Густава всерьез беспокоило подозрительно своевременное отсутствие порядочного полковника Захра.) Что если за четыре года в гвардии изменилось так много, что приказ «не брать живым» уже никого не удивляет?

Капитана Марта и подобных ему рубак навряд ли отправят на розыски и захват старинного приятеля. Выстрела в спину или удара кинжала можно ждать от новичка-провинциала либо обычного дворцового карьериста. Таких и во времена Густава хватало.

В связи с чем ничего хорошего от бывших коллег Шип не ожидал. Готовился обороняться даже от знакомых — Дворец способен изуродовать любого, Шип потому оттуда и слинял когда-то.

...Миловидная трактирщица поставила перед полковником заказанное жаркое из кролика. Налила в опустевшую кружку еще одну порцию пива и удалилась.

Шип подцепил вилкой кусок сочного мяса, засунул его в рот и, равномерно двигая челюстями, пустился подбивать итоги. За сорок минут пешего марша до городской окраины полковник успел о многом поразмыслить, но целостной картины пока не было. Густаву казалось, что он шарит в темноте, выдергивает оттуда все подряд и пытается приспособить факты под результат. А поскольку личная рубаша всегда ближе к телу, то прежде всего полковник старался разобраться с вопросом, а почему, собственно, его убить хотели?

«Трансов прислали за мной утром, — размышлял Шип. — То есть... уже утром кто-то знал, что вечером меня прикончат. Убить бывшего начальника во Дворце невозможно. Я проходил через посты, и это видели солдаты. Так что грохнуть меня в любой из пустующих комнат, а потом заткнуть всем рты — проблематично. Если бы позже меня начал кто-то разыскивать, то солдаты подтвердили бы, что я — вошел в резиденцию, но оттуда уже не вышел. И ниточка потянулась бы к Саулу, а дальше к Синьке и звездочету...

Да. Убивать меня собирались уже утром, но

после выхода из Дворца. Трудно поверить, что Синька стал бы врать по пустякам и скрыл нашу встречу. Трансов потому и прислали утром, чтоб я успел к ним привыкнуть и расслабился. На выходе из Дворца я уже практически не обратил на них внимания: утром нормально доставили, теперь уводят...

Но зачем все-таки убивать-то?!»

Картинка не желала не складываться. Убить решили уже утром. Но тогда еще никто не знал, что государь скончался, и это совершенно точно. Видящего второй степени и вызвали для того, чтоб выяснить, здоров ли государь? А о заговорщиках в покоях Пантелеймона звездочет узнал вместе с Шипом. И, скорее всего, именно астролог командовал трансформерам. Медиус первым вышел из приемной правителя и тогда мог подтвердить или отменить приказ на ликвидацию.

«Но почему уже утром меня решили убивать?! Побоялись, что я разболтаю о кончине государя?.. — Густав отхлебнул пива и помотал головой: — Нет, это чепуха. Во-первых, я не из болтливых, а во-вторых, о смерти Пантелеймона все равно вскоре возвестят. Если бы правитель оказался жив, то тем более... овчинка выделки не стоит. За убийство бывшего начальника охраны нагорит куда сильнее, чем за чрезмерную старательность. А раскрывшийся заговор —

чистейшей воды неожиданность...

Тогда в чем дело?

Звезда! — неожиданно понял Шип. — Все дело в звезде, притаившейся в магической росписи на стене покоев государя!»

Сюжет из разрозненных надерганных фактов сложился в стройную картину. Звезда не была подчинена Медиусу, а посему, он вполне мог стать случайным обладателем чьей-то тайны. Возможно, «оконце» и в самом деле оставил хитрый Дум, но не исключено, что это постарались сделать колдуны, создававшие роспись. Медиус не знал, чью тайну он разоблачил и, перестраховываясь, заранее решил убрать видящего, без чьей помощи он обойтись не мог. Маг-звездочет неглупый царедворец и понимал, что смертельно опасные (чужие!) тайны проще похоронить вместе со свидетелем. Своя шкура всегда дороже. Выходя из приемной Медиус еще не знал, в чьи планы он вмешался и чем ему это грозит, а потому не стал отменять приказ трансформерам на устранение свидетеля.

«Похоже, — кивнув, сам с собою согласился Шип. — Но при чем тогда здесь секретарь и Синька? Они что ж... действовали заодно с астрологом?»

Поверить в то, что Медиус пустился в одиночное плавание по волнам измены, Шип не мог. Полковник еще помнил как задрожал астролог,

узнав, что в покоях правителя есть люди. Так что выделка у Медиуса не та, силенок на подобное не хватит. Слабак, хотя и пыжится.

«Мне потому и предстояло умереть, что Медиус отчаянно боялся. Он врал мне с самого начала, он — слабое звено в цепи предателей. Ниточка от астролога потянулась бы к колдунам-художникам, дальше куда-то еще... возможно, на самый верх к Верховным Магам... Я полный идиот, раз смог поверить, будто преданный астролог Дум оставил брешь в защищенной стене покоев государя!

А это значит — Медиус играл со смертью. Он предпочел убрать свидетеля, чем рисковать собой.

Но как же Синька и секретарь? Они-то знали об «оконце»?!»

Знали. Но можно предположить, что Медиус им рассказал ту же сказку про опасливого Дума. Ведь, в случае чего, с ними расправиться легче, чем с живущим в городе полковником. Эти двое всегда поблизости и под рукой.

Или они такие же предатели.

Шип почесал в затылке: «И как же все хитро придумали-то! Я, наверное, один-единственный из видящих второй степени, за которого некому вступитья: я отлучен от ордена. Циркач, ничтожество. — Полковник крепко стиснул пальцы и слегка ударил могучим кулаком по столу: — А

вот не выйдет ничего у вас! Не выйдет».

Шагая к городу Шип несколько раз менял решение, так как не мог понять что лучше: идти напрямиком к судейским и заявлять о заговоре и нападении, или же вначале навестить однополчан и уже оттуда выдвигать обвинения Дворцу? Густаву не очень-то хотелось заморачивать боевых товарищей своими бедами, просить их заступаться пусть и за невольного, но все-таки — убийцу. Да еще «подглядывавшего» за государем.

Теперь же, так сказать, приложив хвост к носу, полковник понял, что один — не выстоит. Шип слишком хорошо изучил порядки резиденции и подозревал, что едва только он появится в суде, его делу моментально придадут статус государственной важности. Засекретят. Вызовут особо доверенных судей из канцелярии Дворца и перевезут важнейшего свидетеля в казематы резиденции.

А там... свидетель Шип скончается. Скорее всего, «отравившись водой из крана в камере».

«В живых меня не оставят, — рассуждал полковник. — Пантелеймон освободил трон, начнется кутерьма, подготовка к Испытанию, все прочее отойдет на задний план и... тему заговора тихонечко затрут, закопают вместе со свидетелем. Момент — удобней некуда!»

К одиноко сидящему посетителю подошла

симпатичная кабатчица. Недавно Шип ударил кулаком о стол, и женщина поняла это как сигнал, что вояка готов расплатиться.

Густав нашарил в кошеле монету, не глядя бросил ее на стол и, удивив хозяйку таверны, не стал дожидаться сдачи. А быстро поднялся и пошагал на улицу.

Густав уже решил, куда пойдет: он направлялся к южным воротам, чтобы пройти к казармам своего полка. Полковник знал, что вскоре его начнут разыскивать и торопился. Срезая путь, шел через центр столицы, уверенно лавировал в толпе города с полуторамиллионным населением, но не забывал поглядывать по сторонам.

Кого отправят на охоту за, как ни крути, убийцей, Шип не знал. Мог предположить, что гвардейцев все-таки не настропалят на поимку их бывшего начальника. Скорее всего, отправят шпионов, разозленных смертью товарищей. Возможно, к шпионам добавят судейских инквизиторов... И вот это будет уже совсем паршиво, так как эти господа имеют самые широкие полномочия. Им открываются любые двери, им никто не осмелится противоречить, граждане бояться вызвать недовольство инквизиции даже больше чем разъярить могущественного колдуна! От инквизиторов-телепатов не защитят охранные

татуировки, так как прежде чем подвергнуть подозреваемого ментальному допросу, эти изуверы сдерут татуировки вместе с кожей.

Но Шип надеялся, что судебную инквизицию пока не привлекут к его поимке. Эти палачи подчиняются лишь судьям, а те выполняют только законно обоснованные требования и не выписывают ордера на задержание по чьей-то просьбе. Пантелеймон неплохо усовершенствовал судейские порядки, и законы на Материке соблюдались. Если, конечно, преступный умысел доказывался.

И если бы не подозрения, что делу придадут статус особой секретной важности, если б Густав Шип был тривиальным подозреваемым в убийстве, то он свернул бы в первое попавшееся здание суда и отдал себя в руки закона. Там инквизиция действовала бы на стороне человека, обвинившего придворных в измене.

В общем ноги Шипа много раз хотели повернуть к судейским дворикам. Идея — самому прийти и попросить защиты и открытого процесса, не отпускала. Но Густав заставлял себя не отступать от принятого. Он шел к своим. Почти добрался до южных ворот. Вышел на площадь, заполненную тегами и повозками селян, приехавших в столицу...

И тут же согнулся пополам! Спрятался за

тележкой зеленщика.

Площадка перед пропускным шлагбаумом казалась порыжевшей. Возле будки караула столпились солдаты, одетые в форменные рыжие туники. Среди них выделялись серые и дорожные, прошитые изнутри защитными знаками невидимости, балахоны инквизиторов.

«Пропал! — подумал Шип. — Если на меня уже и палачей натравили... к своим идти нельзя. Однополчане начнут вступаться и, что совсем уж плохо, затеют свару с судейскими, сцепятся... Я подведу своих ребят. Подставлю!»

Шип попятился, наткнулся на кого-то спиной и резко развернулся. Рука сама собой потянулась к рукояти короткого меча.

Но позади стоял всего лишь хмурый деревенский парень, безмятежно колупающий скорлупу вареного яйца. И Шип смотрел не на него, а на Северные горы, где над «виноградной гроздью» Дворца поднимался огромный красный вымпел, предупреждавший караулы у ворот столицы, что отныне город — заперт.

От шлагбаума послышался скрип и скрежет, полковнику не надо было поворачиваться, чтобы узнать — караульные приняли сигнал и на проем широких ворот сверху наползает железная решетка.

«Я опоздал! — разочарованно подумал Шип. — Ненужно было заходить в трактир!»

Но кто ж мог знать, что некто быстро примет смертоносное для Густава решение. Что кто-то облаченный высшей властью способен дать приказ на перекрытие столицы?!

Такого Шип даже при самом поганом раскладе предположить не мог. На его памяти город перекрывали лишь однажды, когда ловили двух убийц-бандитов, ограбивших дом придворного ювелира. Тогда столицу «запечатали» на сутки, уродов, разумеется, выловили насобачившиеся на розыске преступников инквизиторы.

Но сейчас... какой судья дал разрешение на закрытие ворот?!

«Или распоряжение для караулов идет напрямую из Дворца. И это значит... все пропало. Делу о моей поимке уже придали статус государственного, и идти к судьям вообще и в принципе не имеет смысла. Дело будет расследоваться особым трибуналом». Причем «особым» стоит взять в кавычки.

Подумав о своей судьбе, Шип на мгновение похолодел: представил, что с ним случилось бы, заявись он к судьям. «Бог отвел, — тихонько выдохнул полковник. — Из здания суда меня бы вытащили за ноги и до Дворца... не довели бы. Прикончили бы «при попытке к бегству».

Представив, сколь могущественны люди, инициировавшие его полномасштабные розыски,

способные по мановению руки перекрыть столицу Материка, Шип почувствовал как в подреберье начали заползать ледяные кусачие муравьи. Придуманные мураши забирались в легкие и мешали дыханию, уже построили в обледеневших кишках глыбу муравейника... Живот свело от тяжести!

Шип снова скорчился за тележкой зеленщика и некоторое время наблюдал, как караульные передают из рук в руки небольшой овальный предмет. Скорее всего, кто-то из придворных умельцев уже нацарапал на деревянной пластинке портрет господина Шипа, и караульные, почесывая в репах, стараются припомнить, проходил ли мимо них искомый тип.

Один за другим качают головами.

Густав быстро начал пятиться. Успел увидеть, как старший инквизитор взмахнул рукой, и солдаты из личной гвардии Пантелеймона дружно повернулись спиной к закрытым воротам. Встав цепью, гвардейцы пошагали через площадь. Оправились прочесывать ближайšie улицы.

Такие же цепи, как догадывался Шип, сейчас идут еще от двух ворот — от юго-западных и северо-восточных. Через пару часов розыскники сойдутся в центре города или порта — и вот он Шип, стоит, оцепленный кольцом личной гвардии почившего правителя. Все офицеры и солдаты

этого полка были видящими и спрятаться от них не удавалось никому. Найдут и под землей. Разыщут и на дне морском.

Но шли солдаты медленно, разглядывали каждый дом сквозь стены. А вскоре, ближе к центру, пойдут богатые жилища, украшенные росписью невидимости. У таких домов гвардейцам придется задерживаться, дабы обыскать их изнутри. И то есть у Густава оставался резерв из нескольких часов. За это время нужно что-то изобрести, придумать обходной маневр или решить, к кому направиться за помощью.

Шип превосходно знал город, в котором родился, и был уверен, что гвардия начнет «выдавливать» его к порту. Там корабли уже подняли трапы, стоящие на рейде суда тоже не подпустят к себе лодку с одиноким гребцом, а расстреляют ее из корабельных орудий. Шип слышал разговоры о том, как лет тридцать назад ловили безумного колдуна, стащившего из храма Матери Вод магическую чашу, по приданиям дававшую силу над пучинами. Так вот тот безумец был магом — заклинателем огня. Он подплыл на лодке к стоящему на рейде кораблю и, когда моряки отказались принять его на борт, забросал судно огненными шарами.

Судно, разумеется, сгорело. А моряки остались — пуганными. К борту никого на

пушечный выстрел не подпустят. Каждого подозрительного типа сдадут инквизиции с огромным удовольствием.

Размышляя над путем отхода, Густав зацепился мыслью за слово «порт», а оно уже вытащило за собой воспоминание: овальная комнатка неподалеку от покоев государя, за столом сухонькая старушка с повисшей вдоль тела рукой... «Нина! Она тоже сегодня во Дворце была!»

Подстегнутый надеждой Шип понесся по идущей под уклон улице к порту. Если уж его хотят туда «выдавливаться», то нужно быть там раньше-раннего и создать фору для беседы со бабушкой. Густав надеялся уговорить Нину пойти к судейцам и рассказать о посещении резиденции. Наверняка, знахарку попросили сохранить в тайне свой визит во Дворец. Но Нина — милая старушка, и Шип надеялся, что узнав о его злоключениях, она согласится отправиться от его имени к судье. Станет свидетельствовать в защиту, так как и ей, наверняка, показалось странным приглашение во Дворец.

Шип небезосновательно рассчитывал, что добрая старушка не откажется помочь. Она прекрасно знает циркачей и слышала от них о Густаве только доброе.

«Но что же она делала сегодня во Дворце? — торопливо уминая сандалиями брусчатку,

размышлял полковник. — Почему кто-то из придворных попросту не пришел к ней в рыночный балаганчик и не принес с собою какую-то вещьцу Дума?»

Странно это, странно. Если только... знахарке не предъявили вещь, которую невозможно вынести из резиденции! Большой, неподъемный предмет Дума... или даже Пантелеймона! Ведь всё, чем пользуется правитель, украшено защитными рисунками от черной магии и сглаза, но если кто-то подменил в покоях государя, к примеру, стул или диван? Вся мебель в личных помещениях правителя похожая — изготовлена у одного придворного мастера. Во многих помещениях для одряхлевшего Пантелеймона держат хотя бы табуретку. Проверенную, разумеется. Но все-таки — привычную.

А потом тот стул или диван снова подменили и сегодня предъявили Нине.

Могло быть так, предположил полковник.

Задумчивость не мешала Густаву ловко огибать людей и уклоняться от лошадей и повозок. Послушное тренированное тело как будто путешествовало само собой, скользило вдоль домов. Глаза привычно фиксировали малейшийстораживающий объект, будь то кошка, голубь или ковыряющий в носу мальчишка. Однажды Шип абсолютно рефлекторно цапнул за шкуру нищего

попрошайку, едва не угодившего под копыта лошадей кареты дворянина.

Тело — действовало. Глаза предупреждали. Голова работала. Пару лет назад к спящему Шипу прокралась одна смышленная девица — цирковая наездница. Так Шип проснулся от того, что душит кого-то тихонечко пищащего. Полковник открыл глаза, увидел барахтающуюся под собой циркачку и разжал пальцы.

Девица позже уверяла, что ничуть не сомневалась в том, что Густав проснулся, едва она на цыпочках подошла к его кушетке. Что цапнул он ее за горло уже полностью очнувшимся и душил лишь для того, чтобы напугать как следует и наказать.

Полковник потратил половину ночи, чтобы убедить испуганную девицу в абсолютной рефлексивности движений.

Лукавой наезднице, надо сказать, ласковые «аргументы» полковника понравились. Но прежде чем под утро распрощаться с темпераментной циркачкой, Шип предупредил:

— Скажи другим отчаянным, милашка, чтоб никогда не заходили ко мне неожиданно. Сплю я, не сплю... могу ведь ненароком и шею свернуть. Так что уж вы стучите лучше в дверь, предупреждайте. Хорошо?

Девушки стучали. И никогда не подшучивали

над могучим армейцем подходя к нему сзади и прикрывая ладошками глаза.

Случай с едва не придушенной наездницей произошел два года назад. Сегодняшний полковник уже немного сомневался — а смог бы он сейчас вот так же во сне обезвредить подошедшего? Рефлексы, вроде бы, остались в норме. Схватка с трансформерами лучшее тому доказательство. Но вот то, что после схватки Густаву понадобилось время, чтоб прийти в себя, восстановить дыхание... ему совсем не нравилось. Прежний Шип выпрыгнул бы из кареты моментально! Если б потребовалось, то расправился бы и с возницей и с его лошадьми.

Но он сидел полторы минуты в ступоре, пыхтел и собирался с мыслями. А это уже напрягало. Нынешний полковник Шип совсем не тот, что был когда-то. Жизнь за цирковым манежем присыпала его опилками, притупила остроту и резкость. Расслабила не телом, которое полковник ежедневно тренировал, но — духом.

А впрочем, шагая по закоулкам родного города, Шип постепенно обретал уверенность. В венах вновь бурлила кровь, давно забытое ощущение опасности подстегивало восприятие, полковник убеждал себя, что он стал совершенно прежним. Решительным и резким, не знающим сомнений.

Над головой Густава пронеслась крикливая стая белокрылых чаек. Птицы нападали на соплеменницу, уносящую в клюве посверкивающую чешуей добычу, устроили переполох над крышами домов и рыночными балаганчиками.

Полковник без помех добрался до огромного портового базара. Правда, чтобы попасть к шатру знахарки Нины ему еще требовалось прошагать насквозь почти весь рынок, но это уже не проблема. Шип купил в первой попавшейся торговой палатке длиннополый плащ неприметного серо-зеленого цвета. Накинул его поверх солдатской туники и слился с разношерстной толпой покупателей и разносчиков.

Не дойдя до шатра знахарки полковник остановился. Спрятался за кибиткой путешествующих всей семьей селян и некоторое время оглядывал окрестности.

В том, что его здесь не поджидают, Шип был уверен. Никто не знал, что он увидел и узнал сегодня Нину, сидящую в комнатке с затихающей раскраской стен. Никто не мог предположить, что Густав к ней направится, но все же... Полковник стоял и наблюдал за прилегающей к палатке территорией.

Попутно думал. В основном о том, имеет ли он право упрашивать старушку отправиться к

судейским.

Слов нет, ни один судья не выпишет ордер на проведение ментального допроса бабушки! Во-первых и прежде всего старушка этого не выдержит. Во-вторых, она все же не убийца, а только выступает от его имени.

Но дела уже так лихо заворачивались, что Шип теперь не мог представить, на что еще пойдут его враги, дабы обрезать нити, ведущие к сердцевине заговора? Что если судейских уже убедили в виновности полковника и те выпишут допросный ордер даже для косвенного свидетеля?!

«Нет. Такого быть не может! — уверял себя полковник. — Допрос убьет старушку, отдать ее в руки инквизиторов, это все равно что сразу же приговорить к казни!.. А судьи справедливы, судьи на себе попробовали то, на что обрекают людей...»

К практике проведения ментальных допросов у граждан Материка двоякое отношение. Все понимают, что благодаря телепатическому исследованию мозга в стране практически отсутствует преступность — соврать инквизитору совершенно невозможно, он вывернет наизнанку каждую извилину и докопается до правды. Но все же, прежде чем докапываться и выворачивать, палач инквизиции сдерет с человека вместе с кожей татуировки, защищающие от ментального проникновения! Ведь большинство жителей

получают эти татуировки с детства как подарок от родителей. В первые дни жизни заботливые родичи ставят на новорожденном защиту от сглаза и порчи. Потом он, подрастая, приобретает татуировки клана и способностей, если таковые имеются. Рисунков, защищающих от телепатического воздействия, не имеют только слуги. И в своем роде, это — доблесть. Члены касты Слуг как бы заранее показывают нанимателям, что всегда честны и не боятся ментальных проверок. Именно потому все слуги выбривают головы, показывают, что не несут под волосами тайных знаков. Ни одна семья не наймет прислужника с прической! Все слуги малость кичатся своей безусловной добродетелью, обвинить слугу в коварстве, воровстве или предательстве, решится только наниматель абсолютно уверенный в своей правоте! Ведь если под телепатическим допросом выяснится, что работодатель оболгал слугу, подобному допросу подвергнется уже сам наветчик. Причем кожу с его головы будут сдирать без обезболивания. На живую. А уничтожение защитных татуировок и под обезболиванием штука крайне болезненна. Как мучаются люди, пока их раны зарастают и затягиваются, упоминать не нужно. Допрос же на живую вообще выдерживают далеко не все. Кое-кто отдает Богу душу, помирает от болевого шока. А выжившие навсегда овеяны позором, поскольку им

запрещено делать татуировки, подтверждающие ошибочность подозрений.

То есть практика ментальных допросов приносит пользу и избавляет общество от всяческого лиходейства. Но палачей-инквизиторов, большинство из которых принадлежит касте Телепатов, народ ненавидит все душой. Поскольку — боится. Телепаты единственные из жителей Материка, кто вообще не носит защитных татуировок. Никаких. Телепаты — сильнейшая каста, они демонстрируют превосходство и бесстрашие. Они плевать хотели на черный сглаз и смертную порчу, на приворотную ворожбу и «венцы безбрачия». Но если все-таки храбрец колдун найдется и нанесет вред телепату... Тогда пойдет настоящая потеха. Телепаты будут его разыскивать и собирать доказательства всем кланом, всеми силами.

Правда, о смельчаках, что покусились на кого-то из людей с ментальными способностями, Шип слышал крайне редко. Но знал, что телепаты никогда не действуют поспешно. Прежде чем выдвигать обвинение они выясняют о подозреваемом каждую мелочь и собирают доказательства. Ведь предварительное следствие они ведут прекрасно, насобачились, работая инквизиторами-сыщиками.

А посему, о том, что телепаты кого-то

обвинили в нанесении магического вреда, Шип слышал. Но вот чтобы с кого-то из них потом содрали кожу, наказывая за ложный донос, — такого не бывало.

И по большому счету с родственниками инквизиторов простые смертные предпочитали вообще не связываться. Себе дороже получалось.

Но вот какой ценой заплатит тетушка Нина, согласившись помочь беглецу-полковнику, Шип знать не знал. Надеялся, что у судей хватит здравого смысла не подвергать старушку испытанию.

...Шип гонял в голове невеселые мысли, смотрел на балаганчик тетушки и все никак не решался сделать последний шаг, пройти под полог. Шатер украшали простейшие безыскусные магические завитушки (там все же иногда проводились врачебные осмотры, и Нина защищала пациентов от подглядывания). Густав не мог узнать, находится ли кто-то внутри шатра. Он был почти уверен, что опасности там нет, но все же медлили. Договаривался с совестью, доказывал себе, что имеет право хотя бы поговорить с тетушкой.

И договорившись, вышел из-за кибитки, проскользнул к шатру. Откинул матерчатый полог и не слишком громко крикнул:

— Эй! Тетушка Нина, вы здесь?

Зря Шип кричал. Нину он увидел, едва пройдя

чуть глубже под острый купол балаганчика: старушка, раскинув руки, лежала у стола. На виске ее зияла рана, край округлого стола испачкан кровью. В крови залипли несколько седых волосков.

Шип посмотрел под ноги — коврик, постеленный для раздевающихся пациентов прямо на землю, собрался волнами. В шатре создали видимость несчастного случая: старушка зацепилась за складку ковра, падая, ударилась виском о столешницу... Скончалась.

В первый момент слегка опешивший полковник не задавал себе вопросов «зачем» и «почему». Времени разбираться в причинах гибели старушки не было. Густав думал о том, что зря сюда пришел! Если бабушку убили, то почти наверняка, рядом продолжает кто-то находиться. Кто-то остался наблюдать за балаганчиком и дожидается, пока найдут тело знахарки.

Во всяком случае, если бы подобную каверзу замыслил сам Шип, много раз подстраивавший на войне ловушки для врагов, то он обязательно оставил бы поблизости наблюдателя.

Но Шип — армеец. А тетушку убили уверенные в безнаказанности ублюдки, и логику их поступков предугадать нельзя.

Шип быстро развернулся, слегка откинул полог и в щелку оглядел окрестности.

На первый взгляд все выглядело мирно. Рынок жил обычной жизнью, шумел, толпа сновала, разносчики напитков и сластей вопили во всю глотку. Поблизости не было ни одного человека, что замер бы столбом и оставался на одном месте. Все двигались, жестикулировали, покупали, продавали или торговались.

Шип выскользнул из балаганчика и, набирая темп, пошел вдоль набережной, стараясь держаться поближе к домам и переулкам. Бросил взгляд на порт: корабли, как и ожидалось, стояли с поднятыми трапами. Суда на рейде вывесили флажки, предупреждающие, что гостей на них не ждут. А лодочники поставили шлюпки на прикол, привязав их цепями и веревками к чугунным кнехтам. Причалы обезлюдели.

Убраться из города морем не получится, подумал Шип. Надо искать убежище в самой столице, так как путь к Северным горам уже отрезан.

Густав свернул в переулок и, отсчитывая шагами секунды, постарался вычислить, как быстро сюда доберутся гвардейцы. По сути, Шип шел им навстречу. Но делать было нечего, полковник суматошно выбирал убежище.

Укрыться в богатом доме с украшенными магической росписью стенами не получится. Их все равно проверят снизу доверху, а поскольку с улицы

и сам беглец не видит, сколько человек находится внутри, то не исключено, придется брать жильцов и слуг в заложники.

«А не хотелось бы, — подумывал полковник. — На мне и так грехов достаточно, так что... выбирать нужно из лачуг». Из тех, что для каждого видящего прозрачные насквозь. Шип все же видящий второго ранга, надежда поиграть с розыскниками в прятки — оставалась. Густав имел перед бывшими коллегами несомненное преимущество, радиус его пронзающего взгляды был безусловно большим, полковник мог засесть преследователей прежде, чем те его заметят. Так что проникать в богатый дом и попадать в ловушку его стен Густав не собирался, его спасение в маневренности и преимуществе второго ранга. Достаточно того что уже весь город превратился в мышеловку. С жизнью на манер кусочка сыра.

Шип быстро шел по кривоватому переулку, один за другим исследовал дома, но продвигался дальше. Дома не подходили. Один был изукрашен росписью, то есть он подвергнется более пристальному исследованию гвардейцев, в другом находились люди, а Шип искал пустующее жилище. Желательно — с выходом на параллельную улицу.

Внезапно один из домов показался Густаву немного странным. Вроде бы — лачуга. Стоящая в

глубине дворика и пустая. Собаки, впрочем, не было, и это немаловажно. Вторая стена, огораживавшая неожиданно просторный для лачуги двор, выходит на противоположный переулок. Но что-то с домом было не совсем понятно... В нем имелось смутное пятно, не позволявшее пробить его насквозь...

Шип, совершенно расфокусировав зрение, разбирался с непоняткой, когда над городом ударили в набат.

Полковник вздрогнул! Повернул голову к высоченному шпилю ратуши, ожидая увидеть, как приспускается флаг с городским гербом, возвещающая о кончине государя...

Но все оказалось совсем не так. По флагштоку, добавляясь к безмятежно реющему стягу, медленно полз фиолетовый вымпел. Жителям столицы объявили тревогу и приказали покинуть улицы, так как в городе проводится розыск опасного преступника. Его ловят и просят граждан очистить улицы, дабы не мешать работе судебных исполнителей.

Полковник на мгновение окаменел. Фиолетовый вымпел на его памяти вывешивался лишь однажды. Тогда Шип был желторотым восторженным юнцом и очень жалел, что не может помогать инквизиторам вылавливать преступники, позже оказавшегося убийцей, прирезавшим семью

ювелира. Но даже когда ловили мага-пиротехника, над городом не ударили в набат! Маг был, конечно, сумасшедшим, но не настолько сдвинутым, чтобы набрасываться на мирных горожан.

И получается... из Шипа сейчас делали совсем уж монстра. Густав смотрел на только что спокойный переулок: матери хватали детишек за руки и волокли домой, тетушки, недавно еле ковылявшие от рынка с неподъемными сумками, приспустили вверх по улице с резвостью молодок.

Отовсюду неслись обеспокоенные крики. Захлопали ставни и ворота, город переходил на осадное положение. Совсем скоро улицы совершенно опустеют, и цепь гвардейцев пойдет живее, не исследуя накрытых капюшонами плащей прохожих. Не отвлекаясь на зевак.

Кто-то очень догадливый многократно усложнил полковнику игру в прятки с гвардейцами и инквизицией. Теперь полковнику уж запросто в толпе не оторваться, не затеряться среди многих «непрозрачных» тел.

Но главное, в только что пустую странноватую лачугу, почти выбранную Шипом под убежище, могли вернуться обитатели. Теперь никто не имел права спокойно проходить по городу, все жители обязаны сидеть в домах.

Понимая, что находится в безвыходном положении, Густав забросил руки на двухметровый

глинобитный забор и одним махом перелетел во двор.

Пружинисто присел. Прислушался.

Порядок. Песчаная тропинка от калитки начинала зарастать травой, что говорило о заброшенности дома. Шип медленно пошел по бровке, стараясь не примять нежные зеленые ростки и не оставить следа на песке.

Добравшись до жилища, поглядел на висящий на двери чуть поржавевший замок, но трогать его не стал. Любой, кто пройдет во двор, сразу же поймет, что дом давно стоит пустым. Но если обнаружатся признаки взлома и проникновения... строение подвергнут тщательному обыску.

Шип огляделся. И пошел к росшей возле стены лачуги раскидистой смоковнице. Вытянувшись во весь рост, зацепился пальцами за максимально высокую прочную ветку — побоялся отставить на коре нижних веток потертости — и, мягко оттолкнувшись от земли, взлетел на дерево. Оседлал надежный толстый сук, поглядел вниз...

Следы от его ног под деревом, конечно же, остались. Но если не разглядывать землю придирчиво, если не знать, что беглец подпрыгнул здесь... прокатит, решил Густав.

Прополз по ветке до крыши, перебрался на колеблющуюся под его ногами черепицу и принялся осторожно ее разбирать. Прodelав

небольшую дыру, полковник опустил в комнату домика, лишенного второго этажа и чердака. Потом разыскал в хозяйской спальне подушку и, встав на табурет, заделал дыру в потолке.

Расфокусировал зрение, поглядел на свою работу...

Если с улицы к крыше не приглядываться, то дыра почти не различима. Изнутри, конечно, она видна, но кто будет здесь разглядывать потолок? Для видящих он будет почти что монолитным, а для обычного осмотра потребуется свет.

Шип убрал со стола лампу. Спрятал в шкаф все свечи. «Теперь, — подумал, усмехнувшись, — ходите здесь в потемках». Через несколько часов на улице совсем стемнеет.

Закончив прибирать следы проникновения, полковник занялся осмотром непосредственно жилища. Еще попав во двор и сократив дистанцию до дома, полковник разобрался с его странностью: стены хозяйской спальни были расписаны теряющими силу символами. (Денег на постоянное обновление защитного «оформления» у владельцев лачуги явно не хватало.)

Странная позиция для бедняков, подумал Шип. Зачем тратиться на роспись спальни? Никто из касты Видящих не опускался до подглядыванья за соседями, этические нормы соблюдались строго и ослушников карали отречением от касты. Богачи

же расписывали стены ради поддержания статуса. Показывали, что они, мол, принадлежат к высшим слоям знати.

Шип поглядел на игрушки, оставшиеся в доме. Подумал и решил: возможно, один из детишек этих бедняков родился со способностями видящего. Простолюдины не знали, как воспитывать подобного ребенка и попросту от него — отгородились.

«Бедняжка», — посочувствовал какому-то малышу собрат-полковник. Хотя... все могло быть совсем не так. Шип насочинял себе какую-то семью и попытался приладить к действительности странность дома.

Но все это — пустопорожние размышления. Главное, что нужное убежище нашлось, двор имеет выходы на две противоположные улицы, и если гвардия будет двигаться с разной скоростью по этим переулкам, появляется возможность — побегать, поиграть со смертью.

Стараясь не оставить на пыльном полу отпечатки обуви, Шип двигался только по ветхим домотканым коврикам. Лишний раз не трогал вещи. Размывая зрение до невозможности, Густав старался понять, в какой части полукруглой стены хозяйской спальни сохранились наиболее действенные росписи.

К удаче Шипа самым стойким оказался

участок, примыкающий к небольшому оконцу. Вставший там человек как будто попал в изогнутую линзу. Густав осторожно прошагал по пыльному коврику, отодвинул внутренний засов на раме и нажал на фрамугу. Та легко пошла вперед под несильным напором, не заскрипела петлями. И таким образом Шип создал себе второй выход. Эвакуационный. С наличием которого можно в прятки с видящими поиграть. Снаружи почти незаметно, что в доме есть защита, но если все-таки гвардейцев заинтересует странность вроде бы пустой лачуги и они начнут ее обыскивать, то выбравшись из окна, Густав сможет под прикрытием линзы остаться практически незамеченным. Он уже знал планировку дома и конфигурацию стены, он способен ускользнуть под защитой постаревшей росписи. Вторая степень все ж имеется, Шип видит лучше остальных гвардейцев.

«Мне б только продержаться пару дней!» — с надеждой думал Густав. Вскоре возвестят о кончине Пантелеймона — хранить это в тайне до бесконечности невозможно. Скорее всего уже завтра на шпилях Дворца и ратуши приспустят флаги. Ну а потом во все концы огромного материка полетят почтовые голуби с сообщением о смерти правителя и, соответственно, об открывшейся вакансии. На Испытание Троном

поспешат многочисленные гости. Аристократы и самовлюбленные безумцы, принцы крови и честолюбивые армейцы, бедняки с манией величия и эксцентричные поэты, надеющиеся, что хотя бы Трон признает их талант.

Хлебнуть немного славы захотят тысячи и тысячи, Испытание продлится несколько недель. Государство Материк довольно обоснованно гордится тем, что пестует в народе мысль: здесь каждый может счастья попытать, коли уверен в уме и доблести, коли считает, что может государству пользу принести — для державы важен каждый из ее сынов.

Но Густав собирался дожидаться не простых сынов, а очень даже конкретных. Причем надо сказать, не будь полковник сам преданным сыном державы, то бросился бы за защитой к одному из мятежных северных вассалов. К тому, кто несказанно бы обрадовался подвернувшейся возможности отыгаться на столичных царедворцах и отомстил за Густава. За покушение, за ложь, за травлю.

Но Шип любил свою родину и не собирался подвергать ее риску новых беспорядков. Трезво поразмыслив, полковник остановил выбор на князе Кариме. Тот был влиятелен, но абсолютно лоялен трону, славился безукоризненной порядочностью и был уважаем воинством. Но главное, Шип был

лично с ним знаком. Как начальник дворцовой охраны Шип пару раз лично встречал князя у ворот резиденции и сопровождал его до церемониального зала. А поскольку путь от ворот до самого Дворца не близкий, успел поговорить и познакомиться с лишенным царственного высокомерия принцем крови.

Карим полковнику понравился. Прощаясь с Густавом в последний раз, князь, якобы шутливо, предложил Шипу перейти в его гвардию: «Такие люди нам нужны, — сказал. — Устанете от суеты столицы, милости прошу в мою ленивую и сонную провинцию».

Воспоминания о тех словах сейчас согрели леденеющую душу беглеца. Шип стоял у окна чужой и душной спальни, максимально расфокусировав зрение присматривал сразу за двумя параллельными улицами, и ждал, когда же наконец в этих переулках покажутся солдаты! Он уже с трудом удерживал зрение размытым. Голова устала и звенела от напряжения, колдовское виденье запорошили черные мушки близкого бессилья; Шип переживал, что вскоре устанет и лишится преимущества своего таланта.

...Солдаты вошли в левый переулок, когда уже совсем стемнело.

Правый был еще чист. Шип сосредоточился на четверке медленно бредущих мужчин... опознал

в одном из них инквизитора... Для того, чтобы понять, если ли среди гвардейцев знакомые лица, оставалось еще слишком далеко, но Густав продолжал рисковать и не уходил под хлипкую защиту росписи. На вскидку метров двадцать еще есть в запасе, даже у обессиленного видящего второй степени дистанция магического зрения длиннее.

Шип перебросил взгляд на правый переулок и сердце его учащенно забилося. Из-за поворота улицы выходили четыре рыжие туники и один серый балахон.

Надежда на то, что кто-то кого-то обгонит — не оправдалась, две группы вошли в переулки практически одновременно. Густав сделал шаг от окна к стене и вжался в нее спиной. Расписанный полукруг, как хотелось бы надеяться, размыл силуэт стоящего человека.

Ложиться на пол Шип не собирался прежде всего потому, что росписи там наиболее поблекли. Хозяйка дома — чистоплотная женщина, когда мыла в доме полы, то проходила тряпкой и понизу стен. А кроме этого, лежа на полу, полковник и сам бы потерял розыскников из вида да еще лишил бы себя мобильности: из лежачего положения в окошко запросто не сиганешь.

Шип стоял вжавшись в стену, до рези в глазах напрягал магическое зрение, но гвардейцы уже

вошли в закрытую стеной зону. А потому полковник напрягал уже и уши.

Минуты протекали, в калитку с левой стороны так никто и не постучался. Не попытался ее оторвать. Видящие «отработали» дом с улицы и нашли его пустым. Двинулись дальше.

Шип понимал, что ему на редкость повезло наткнуться на не слишком подозрительный дом бедняков, где все-таки была защищенная внутренняя стена! Она уже почти теряла силу и не выделялась абсолютно непроницаемым пятном. А гвардейцы слишком устали, они работали почти шесть часов... Исследовали многие жилища, с ног валились, зрение их притупилось.

Но все же дом стоял не ровно посреди участка, правый переулок был немного ближе.

И именно оттуда послышались голоса. Слов Шип не разобрал, но по тону разговаривающих догадался, что гвардейцы спорят — заходить ли в дом, или ну его на фиг.

Чей-то строгий окрик спорщиков прервал. «Вмешался инквизитор, — догадался Густав. — Конечно, телепату не требовалось напрягать глаза, разглядывая каждый дом насквозь... Этот готов без усталости гоняться. — Калитку в воротах по правую руку от Густава сшиб с петель чей-то разозленный мощный пинок и полковник порядком загрустил: — Эх, лучше бы сюда вошли слева. Все-таки их было

четверо, а сейчас сюда пятеро завалятся...»

Но заваливаться не спешили.

— Да здесь месяц никого не было! — раздался с улицы недовольный возглас, и полковник предположил, что кто-то из гвардейцев указывает раздающему команды инквизитору на заросшие травой тропинки.

— Ищите, — твердо произнес судейский. — Двое в дом, двое остаются во дворе.

«Черт! Грамотный, собака!» — Шип боролся с желанием шагнуть к окну и, лишившись прикрытия наиболее сохранившейся росписи, вывалиться на улицу.

А дальше: деру, деру... Вниз по улице до портовых доков и пакгаузов...

Но это было уже невозможно. За окном замаячил серый островерхий капюшон судейца. Тот, не имея способности к видению, словно нарочно встал под нужным окном и перекрыл полковнику единственно возможный путь для отступления.

А мысль, что на инквизитора можно напасть, у Шипа даже не возникла.

Полковник все еще не считал себя преступником. Во всяком случае — отпетым.

Густав был уверен, что способен прикончить инквизитора даже выпрыгивая из окна. В полете. Инквизиторы почти все сплошь из телепатов, а

представители этой касты физическими упражнениями себя не изнуряют, пренебрежительно относятся к мускулам, полагая, что работа головой куда важнее.

«Прихлопнуть умника, а после попробовать убежать? — Борясь с желанием пружинисто подпрыгнуть, полковник стоял в темноте и кусал нижнюю губу. — Нельзя, нельзя, я не преступник. Поймают — так тому и быть. Попробую объяснить гвардейцам, что ни в чем не виноват. Пусть гвардия хотя бы знает: меня вынудили защищаться!»

С входной двери дома сбили навесной замок.

Двое гвардейцев-видящих вошли в гостиную. И почти одновременно дали приказание: «Свет!»

Шип расстроился невероятно: «Ну надо же... Их успели снабдить шарами магического света».

Шары — чрезвычайно дороги, их выдавали лишь на задания особой важности, и того, что ценными магическими прибабасами снабдят его преследователей, полковник не ожидал. Розыск начинался засветло и должен был закончиться давным-давно. (Шип не понимал, где гвардейцы проторчали лишних два часа?! К порту они должны были выйти еще на вечерней зорьке.) Залепляя подушкой дыру в потолке Густав рассчитывал на то, что преследователи появятся здесь в сумраке. Шип намеренно искал дом поблизости от набережной, здесь поисковики уже устанут и

начнут слегка филонить, а потому потолок в расфокусе будет выглядеть абсолютным монолитом.

Но если сейчас под потолком витает магический светящийся шарик... и даже два... то потолочная заплатка из подушки великолепно высветится!

Шип напряжинил ноги. Собрался вышибать плечом окно!

Один из солдат недовольно заворчал:

— Черт. Мой уже почти не светит. Я весь шар на катакомбы истратил.

«Катакомбы? — не поверил ушам Густав. — Они наткнулись на лаз в подземелья города?!»

Нереальная удача. Все проходы в катакомбы завалили лет сто назад из-за того, что заброшенные шахты, где раньше добывался известняк, стали использовать контрабандисты — катакомбы имели выходы к морю, минуя таможенные и карантинные посты. Эти подземелья заселили всяческого рода греховодники, и какое-то время под столицей жил целый город со своими порядками. Ночами лихоимцы выбирались из подземных нор, творили безобразия...

Короче говоря, тогдашний правитель дал команду: «Завалить все выходы! Если кто из-под земли не выйдет, я не виноват. Даем два дня на эвакуацию, потом запечатываем всех, кто остался».

Жестоко, но, пожалуй, выбора иного не было. Подземные жители стали слишком досаждают большому городу.

Еще будучи мальчишкой Шип, как и большинство местных пацанов, пытался разыскать проходы. Слухи о том, что не все норки запечатали, ходят и по сию пору.

Но став начальников охраны правительственной резиденции Шип получил на руки подробную карту подземелий, где был отмечен каждый выход. Полковник был абсолютно уверен, что в столице не осталось ни одной пригодной щели, в которую протиснется человек!

Но получилось... как минимум один из выходов все-таки остался. И вероятно, именно на исследование катакомб ушли лишние два часа. Из-за возникшей задержки казне и пришлось потратиться на «прибамбасы».

А по большому счету, в том, что лаз нашли конкретно этим вечером, нет ничего удивительного. Когда еще столицу столь тщательно обыскивали? Всех прежних лиходеев и безумцев отлавливали в законопослушном городе довольно быстро. Отличился только Густав Шип. Пока.

— Мой тоже еле светит, — раздался из соседней комнаты смутно узнаваемый голос.

— Ого! — сказал второй. — А тут тоже подвал есть. Проверим, вдруг и тут есть лаз?

— Подвал пустой.

— Я все равно спущусь, — вздохнул гвардеец, и Шип услышал тихий скрип приподнимаемой крышки подпола.

По разговорам солдат полковник понял, что вход в катакомбы случайно обнаружили в одном из подвалов. Но догадка радовала мало. Она ничем не могла помочь беглецу. Один из гвардейцев спускался вниз, второй сейчас пойдет исследовать комнаты...

Это пока, занимаясь шарами и отвлекаясь на подвал, видящие не глядели пристально по сторонам и их внимание не привлекла не прозрачная для них стена. Но вскоре, через короткое мгновение...

Дверь в спальню резко распахнулась и в комнату скользнул небольшой тускло светящийся шарик.

Шип расправил плечи и гордо поднял голову. Полковник не собирался предстать перед гвардейцем в виде вороватого дрожащего пса с поджатым хвостом. Уж коли суждено попасться, то пусть это будет выглядеть достойно. Шип офицер, а не помочная псина.

В комнату шагнул высокорослый молодой мужчина с нашивкой лейтенанта на тунике, с коротким мечом в руке.

Густав помнил Аввакума еще младшим

лейтенантом. Исполнительным и честным пареньком из западной провинции.

Аввакум замер у порога, не мигая смотрел на бывшего начальника и ничего не говорил. Шип тоже молчал и не шевелился, его лицо окаменело в маске ожидания и горделивости.

Пауза затягивалась, лейтенант разжал губы и произнес неожиданное:

— Оставайся здесь. Я вернусь. Поговорим как два солдата. Но если ты уйдешь... клянусь честью — я разыщу и убью тебя, Густав Шип.

Было заметно, что офицеру тяжело дается речь. Аввакум цедил слова сквозь зубы и уничтожал полковника взглядом.

Договорив, повернулся полубоком, гаркнул в смежную комнату «здесь чисто!» и, мазнув по полковнику уничтожающе презрительным взглядом, вышел. Захлопнул дверь.

Густав опустил плечи.

Из груди его, казалось, выкачали воздух.

Шип не понимал, что происходит. Он ожидал совсем другого!

Аввакум мог крикнуть и, позвав товарищей, первым броситься на бывшего патрона. А мог, припомнив, как был справедлив полковник, сделать вид, что не заметил притаившегося Густава. Все ж Шип был добр с подчиненными, никогда понапрасну не наказывал и не гонял без нужды.

Но Аввакум поступил как бы объединяя два сюжета. Он не позвал товарищей и не набросился, но дал слово чести, что если Шип сбежит, найти и убить его лично. Он обжигал полковника презрением и, то есть, верил в его виновность, считал преступником... но все-таки не выдал.

Почему? Как соединить несоединимое?!

Если Шип предатель и убийца его требуется наказать.

Но Аввакум оставил в тайне нахождение полковника. И если бы не безусловное презрение, Шип мог бы надеяться, что лейтенант вернется для того, чтоб оказать ему помощь — гвардия не поверила, что их собрат преступник!

Но Аввакум пообещал убить и был исполнен негодования. А для таких парней, как этот молодой офицер, слово чести не пустой звук.

Шип присел на корточки. Услышал, как из подвала выбирается поругивающийся гвардеец. Потом две пары ног проскрипели половицами до выхода.

Все стихло.

Где-то неподалеку лаяли собаки. О стекло забарабанил дождь. Шип не мог сказать, сколько времени он просидел на корточках, раздавленный презрением, что выплеснул на него молодой старлей.

Когда-то циркачи сказали Густаву: даже в

стельку пьяный и еле-еле ковыляющий, он все равно оставался полковником. Понимание чина и выправка никогда его не оставляли, от Шипа за версту веяло гвардией. Будь он хоть голым, хоть одетым в тридцать три слоя одежды, Густав оставался «полканом»! Полковник эта вам не камешек с горы, не нижний чин, он сам — ГОРА.

Но нынче «гору» придавили. Шип сидел, опираясь спиной о стену, — которая единственная выступила на его защиту! — свесив кисти между коленей, смотрел в пол. «Достало все, обрыдло, — подумал. — Уж лучше честь по чести и лицом к лицу, чем так... помоечной крысой по лачугам прятаться...»

Пальцы Густава сжались в кулаки, а челюсти сцепились. Полковник медленно вставал.

Уходить он, разумеется, не собирался. На сегодня он достаточно хлебнул унижения, чтоб еще пасовать перед мальчишкой с погонами младшего офицера. Шип встал и распрямился: «Все, хватит! Дождусь Аввакума, расскажу ему обо всем что случилось и сдамся. Я не предатель и не гонимый ублюдок, я офицер гвардии, черт побери!»

Шип прошел в гостиную, достал из шкафа свечи и разыскал огниво. Но зажигать свет пока не стал. Дом хоть и стоит в глубине двора, но одну из калиток снесли с петель. А прежде чем привлекать к заброшенному дому внимание соседей, Густав

хотел спокойно — ежели этакое еще возможно в принципе — поговорить с лейтенантом и выяснить, почему тот обливал его презрением? Зачем пообещал убить? С полковника уже достаточно угроз, хотелось бы разобраться хоть с этой. Понять, почему гвардия согласилась с тем, что их полковник превратился в отпетого мерзавца без понятия о воинской чести?!

Шип сел на стул лицом к стене выходящей на выбитую калитку. Такое положение он принял вовсе не потому, что опасался, будто Аввакум передумает и придет не один, а с инквизиторами. Шип просто — жал. Расслабленно и терпеливо.

И наконец уже под утро Аввакум прошел через проем в заборе.

Полковник запалил огниво, разжег подсвечник с четырьмя свечами и встретил лейтенанта стоя.

Аввакум вошел в гостиную, остановился в ее центре и некоторое время молча разглядывал бывшего командира, а Шип его не торопил. Смотрел на высокого курносого парня, которого когда-то учил премудростям охраны и войны. Вглядывался в серые спокойные глаза, в которых уже не плескалось огнем презрение, а оставалась только толика брезгливой жалости.

Лейтенант заговорил.

— Тебе очень повезло, Шип. Тебя нашел я, а

не гвардейцы из личной охраны правителя. Я, прежде чем убить тебя, понять хочу. — Аввакум сделал небольшую паузу, а Густав, не скрывая удивления, думал о том, почему гвардия на него так ополчилась?! Да, он убил двух трансов. Солдаты еще не знают, что их полковник защищался, но все же... трансы есть трансы! Гвардейцы ненавидят этих лис!

— Скажи, Шип, — продолжил Аввакум. — Скажи, зачем ты убил Синьку?

— Что... Синьку?!

— Не притворяйся глухим! — прикрикнул лейтенант. — Ответь! За что ты убил майора?! — рука парня легла на рукоять меча. — За что ты убил такого же солдата?!

Густав растерялся. Попятившись к столу, наткнулся на табурет и буквально на него рухнул. В ушах полковника барабанным боем грохотали обвинения, от невозможности осмыслить происходящее кружилась голова. Но думал Шип не над словами Аввакума, а над причинами убийства усача майора: «Что происходит, Господи?!.. Что с нашим миром?!..»

— Синьку убили во Дворце? — быстро вскинув голову, спросил Густав.

— Да! А то ты не знаешь!

— Убили... где? Конкретно. — Шип не обращал внимания на уколы.

— В приемной! Вместе с Велухом!

— Секретаря значит... тоже — укокошили, — ошеломленно пробормотал полковник и снова наклонился.

— Ты был последним, кто их видел! — Бил в его темя лейтенант. — Саул вышел из приемной первым, ты остался в закрытом помещении наедине с майором и секретарем. Потом их нашли уже мертвыми.

Густав помотал склоненной головой.

— Нет, Аввакум, я их не убивал. Я остался поговорить с Велухом. Когда вышел, майор и секретарь были живы. И... — Шип поднял к молодому офицеру лицо, прищурился, — во Дворце уже известно, что Пантелеймон скончался?

Теперь настал черед растеряться лейтенанту. Несколько секунд полковник наблюдал, как челюсть Аввакума уползает вниз, глаза становятся огромными и круглыми, словно пуговицы на парадном мундире генерала.

Аввакум сделал два шага вперед, схватил со стола подсвечник и, приблизив его к лицу полковника, осветив как следует, приказал:

— А ну-ка повтори, что ты сейчас сказал!

— Правитель Пантелеймон скончался, — печально, но твердо произнес полковник. — Меня пригласили во Дворец, чтобы в этом разобраться. Я все расскажу, Аввакум, попробуй поверить. За мной

пришли сегодня утром...

Шип был все еще в шоке от известия о гибели майора и секретаря, а потому говорил медленно, пытаясь сам взглянуть на ситуацию с иного ракурса. Он примерял к событиям полученные от лейтенанта данные.

Завершив повествование, Шип горько покривился:

— Скажи мне, Аввакум, неужели ни у кого из вас не мелькнула мысль, что меня оговорили? Скажи! Как я мог убить майора и Велуха... голыми руками, да?! Свой меч я оставил на входе в резиденцию, а убить двух человек... один из которых тот еще боец... Как я мог, Аввакум? За дверью стояли гвардейцы, либо Синька, либо Велух успевали вскрикнуть. Вспомни, караульные говорили о криках?! — прорычал полковник. — Или вы все сразу... на голубом глазу поверили, что я прикончил усача майора?!

— Но ты же убил трансов!

Аввакум уже сидел за столом напротив бывшего начальника, он тоже старался объединить информацию и вычленил все ложное.

— Да, — согласился Шип. — Трансов я убил. Когда те на меня напали.

— Зачем им убивать тебя?!

Полковник парировал:

— А зачем кому-то убивать секретаря и

Синьку?

Аввакум вскочил и заметался по освещенной четырьмя свечами комнате. За лейтенантом бегали по стенам четыре его тени, но они хотя б не матерились и не поминали имени Господа всеу.

Закончил беготню Аввакум уже упоминанием хвостатого:

— Черт! — произнес курносый лейтенант. — Что происходит, господин полковник?!

Услышав прежнее обращение Густав кисло усмехнулся:

— Ты не поверишь, но этот же вопрос мне самому осточертел. Я сам хочу понять, что происходит. Захват власти? Государственный переворот? — Полковник вслух разбирался с мыслями. — Но у нас это невозможно. Весь Материк поднимется против узурпатора, не прошедшего Испытания Троном. Тем более что для меня наиболее подозрительны колдуны, а Трон — их фетиш, их святыня. Эта каста первой не поддержит самозванцев.

— Телепаты! — выкрикнул лейтенант.

— Смеешься? — тускло хмыкнул его бывший шеф.

— Ну дак они после магов самые влиятельные.

— И что? Факт-то остается: трон Материка узурпировать нельзя. У этих изуверов силенок

маловато на подавление беспорядков, которые обязательно возникнут. Армия не поддержит инквизиторов.

— Согласен, — скис парень и бросил фонтанировать идеями. Вернулся на стул, сел напротив командира и поставил локти на столешницу. — Тогда — кто? Мятежники с севера, что ли?

Шип задумчиво раздул щеки, шумно выдохнул.

— А вот их, приятель, я не исключаю. У северных свои законы, там многое не как у нас...

— Но Материк — един, и Трон — один!

— Согласен. Но если они решили отделиться таким образом? — прищурился полковник.

— Ага, — иронично буркнул Аввакум. — Они что... ненормальные? Заговор в столице учинять... Да на них все провинции поднимутся!

— И это в точку. Я сам так думаю: всем скопом северян сомнут за пару месяцев. И кстати, у них самих без беспорядков не обойдется. Магический Трон уважают и там. Так что все окажется напрасным, Аввакум. Слишком много крови будет.

— Тогда я вообще не понимаю, зачем все это затевалось! — воскликнул лейтенант, всерьез обеспокоенный перспективой много крови проливать. Своей и супротивников.

Аввакум не трусил, он был нормальным честным солдатом, ненавидевшим сражаться за чьи-то дурно пахнущие интересы.

— Зачем? — переспросил полковник. — Ну тут-то как раз все просто...

— Да неужели, — с недоверчивостью вставил лейтенант. Но подался вперед, глядя на бывшего патрона с прежним уважением и преданностью.

— Ты помнишь, что я говорил тебе о людях, которые копались в бумагах Пантелеймона?

— Ну.

— Я голову сломал, чтобы понять, что им понадобилось в кабинете! Там нет ничего ценного, только бумаги. И вот я, Аввакум, практически уверен — они искали список намеченных реформ правителя. Ты слышал об этом якобы существующем списке?

— Да, да, — забормотал лейтенант. — Слухи ходят, что правитель составляет перечень реформ... Типа он приходит на Испытания лучше всех подготовленным... — Аввакум «разжевывал» слова полковника, суть постепенно доходила. — Вы хотите сказать...

Шип не дал младшему офицеру закончить.

— Все участники заговора, Аввакум, самоубийцы. Смертники-фанатики. Они добровольно пошли на риск ради какой-то идеи. Или своего господина, которому собирались

преподнести в подарок трон.

— И даже Медиус?!

— А вот его я исключаю. Звездочет затеял собственную партию. Ты, кстати, его видел? Он еще жив?

— Не знаю...

— Вот то-то и одно, дружище. Думаю, Медиус понял, что вляпался в серьезную историю и побежал с докладом. А после город перекрыли. Якобы для моей поимки, но думаю здесь решали разом несколько проблем. Могу предположить, что воры ускользнули от охраны, и ворота столицы захлопнули, чтобы не позволить им выйти из города и вынести сокровище — список Пантелеймона.

Аввакум грохнул кулаком о стол:

— Надо идти к судейским и все рассказывать!

Шип печально поглядел на лейтенанта, грозно сдвинувшего брови.

— Скажи, дружок... Вот ты только что хотел меня убить... За мою голову уже назначено вознаграждение?

Лейтенант смутился.

— Ну не за голову, а за поимку... Но личная гвардия Пантелеймона просто озверела, когда им сказали, что вы Синьку того...

— А как я его, кстати, «того»?

— Пером из чернильницы. Оно же острое...

Проткнули мозг через ухо.

— А Велуха?

— Сломали шею.

— Какой я негодяй...

Младший офицер густо покраснел и опустил глаза.

— Скажи, Аввакум, а ты и в самом деле меня убил бы?

Парень твердо посмотрел на полковника:

— Да. Уж лучше я, чем эти.

— Наивно. Скорее б это я тебя убил.

— А зачем мне жить, если такие люди становятся предателями и убивают своих товарищей? Я вас уважал. Крепко уважал, господин полковник.

— Спасибо. Право слово, неожиданно. Все-таки я поражен в правах.

— И что? Любой военный знает, что вы честь от чести...

— Был, — перебил полковник. — Совсем недавно ты сам хотел меня убить. Я, Аввакум, государственный преступник. Я не доживу до ментального допроса.

— Но я приду сегодня в полк и расскажу всю правду!

— Не дай тебе Бог! Сиди помалкивай, я сам во всем разберусь.

— Но почему?!

— А потому что мне нужен хоть один преданный человек в гвардии. Понял?

— Да.

— Сиюминутные стремления не всегда бывают верными, дружище. Подумай о том, Аввакум, что я оставляю тебя единственным наследником тайны. Ты мне все равно ничем не поможешь, в полку тебя и слушать не будут... Ты ж сам с трудом поверил в мою историю. Так? Было дело? Ответь по правде, это важно.

— Ну... не поверил. Поначалу.

— Ты сам ответил. И теперь если со мной что-то случится, если я не смогу придать огласке заговор... Ты останешься единственным свидетелем и будешь решать — оставить мое имя честным или...

— Да я за вас...

— Не перебивай. Тебе придется пройти ментальный допрос. Началась большая драка, парень, сейчас все не просто бумаги Пантелеймона разыскивают, а уже сражаются за власть. Ты понимаешь, насколько это серьезно? Понимаешь, что кроме меня ты один-единственный способен доказать узурпацию трона?

— Так каменный Трон — магический! Он разглядит, что на него уселся вор!

— А заговорщики понимают это не хуже тебя. Но что если они используют искреннего и

порядочного человека, который никогда и не узнает, что ему предоставили украденные наработки прежнего правителя? Если интрига настолько глубока, что толковому претенденту исподволь преподнесут отличные идеи... Он ими воспользуется на Испытании, а после будет защищать советников, продвигать их по службе и привлекать в дальнейшем к государственным делам. Трон узурпируют, парень, но как бы исподтишка. Ты понимаешь?

— Ох.

— В том-то и дело, что — ох.

— Н-да... я не зря считал вас самым дельным командиром. Вы, господин полковник Шип, насквозь все видите.

— Хвала Создателю, не только фигурально, — пробормотал беглец. — И кстати, о не фигуральном. Ты не знаешь, сегодня днем во Дворце были еще видящие второго ранга? Кроме майора Синьки, разумеется.

— Конечно, — кивнул Аввакум. — У нас два подполковника есть, помощник Синьки тоже видящий второй степени.

— Значит, — глубоко вздохнул Густав, — меня обманывали с самого начала. То-то Синька глазами ерзал... Сам он «подглядеть» без личного приказа Пантелеймона не мог, использовать в интриге гвардейца из охраны резиденции они не

решились. Ну и выбрали... того, за кем никто не стоит.

«Видать, сильно нажимали на майора, раз он встрял в игру, — взгрустнул Густав о покойном простосердечном вояке. — Нажимали или голову заморочили... мол, необходимо убедиться, что с Пантелеймоном все в порядке. Что он жив-здоров. Поверить, будто Синька заранее знал о моей ликвидации — сложно. Все-таки на важный пост в привилегированном полку мужиков с гнильцой не назначают».

И Шип в который раз подумал о том, как нереально ему повезло: на него наткнулся этот парень, а не озверевшие подчиненные майора. «Может быть, звезды начинают поворачиваться ко мне лицом впервые за четыре года?» — мелькнула обнадеживающая мысль. Как большинство военных Густав не ходил к предсказателям и астрологам, не составлял своей натальной карты. Так как считал — солдату ни к чему знать время смерти. Ее не избежать, а бесполезная трусость только помешает на поле брани. Умирать так храбро, считали рубаки, и Шип тоже труса не праздновал.

Аввакум, к некоторому сожалению полковника, был парнем из того же ряда. Шип молился всем богам, чтобы у парня хватило благоразумия не сунуться в пекло! Удержаться перед теми, кто всячески ругает бывшего патрона,

будет нелегко. А сохранить горячую, сжигающую душу тайну еще труднее. Тайна может выплеснуться из молодого офицера как бы сама собой!

Густав задумчиво смотрел на лейтенанта. У него было что еще сказать, но Шип придерживал доказательства, не решаясь еще больше втягивать в борьбу с заговорщиками молодого горячего парня.

— Аввакум, — поразмыслив, произнес полковник, — у тебя есть в городе надежный человек, через которого мы сможем держать связь?

— Есть, — улыбнулся парень. — Помните таверну возле юго-западных ворот? Ту, где мы праздновали повышение Марта?

— Конечно.

— Там есть одна девушка... — Аввакум смутился. — Рыженькая такая, у нее зигзаг из лиловых веточек над ушками...

Шип припомнил молоденькую официантку с изящной дорогой татуировкой, опоясывающей бритый череп, и кивнул.

— Кажется... Инесса?

— Да. — Лейтенант расцвел улыбкой. — У нас скоро ребенок будет. Гадалка сказала — мальчик. Со способностями.

— Поздравляю.

У Шипа тоже были два сына от разных женщин. Один из мальчиков унаследовал

способности отца, второй уродился в маму (обычную деревенскую девушку, встретившуюся когда-то Шипу в походе) и сейчас трудился на далекой ферме... но зато был — жив. А старший внебрачный сын Густава, получивший способности видящего, пошел на службу в армию и три года назад погиб при подавлении мятежа в северных провинциях.

Именно потому Шип и не понимал, почему женщины, лишенные способностей, так легко заводят романы с мужчинами из касты Видящих, что были преимущественно воинами? «Пускай ребенок без способностей, зато — живой!» — искренне недоумевал Густав. Его младший сын спокойно разводил лошадей на далекой ферме, сейчас, вроде бы, собирался взять в жены девушку из своей деревни. Шип, навещая младшего после похорон старшего, сказал: «Не гонись за способностями, Тилли. Они не делают человека счастливым. Счастье человека в занятости любимым делом и близости с хорошими людьми. Найди себе добрую жену, расти детей и не ищи чужих талантов».

Но Аввакум был еще молод и у него свой путь. Возможно, он избежит ошибок и разочарований полковника. А потому, поздравив лейтенанта, Шип поинтересовался:

— Ты собираешься жениться на Инессе? —

Хотя закон уже и разрешал межкастовые браки, но память у народа длинная. Мужчины-видящие редко брали в жены простолюдинок.

— Да, — вскинул подбородок Аввакум. — А что? Вы считаете — официантка мне не пара?

Шип усмехнулся:

— Век солдата короток, приятель. Если нашлась женщина по сердцу, обязательно женись. Не обижай своего сына заранее.

Среди приятелей Густава достаточно бастардов. Солдаты, понятное дело, относились к незаконнорожденным однополчанам ровно, нос не задирали. Но те, чьи родители не сочетались законным браком, все же чувствовали себя ущербными. Скрывали это, но Шип-то знал — грехи родителей отзываются на их детях, будь те и самыми достойными из граждан. Память, как уже говорилось выше, у народа — длинная. Записана на естестве и трудно поддается вытравке.

— Для связи твоя невеста нам не подойдет, — покачал головой полковник. — Незачем Инессу подвергать опасности. К кому-нибудь еще ты можешь обратиться?

— Нууу... К старому башмачнику у порта. Дядя Заур двоюродный брат моей мамы.

Шип прикинул. Подумал, что родственники, в случае чего, будут проверяться первыми, но предложение лейтенанта все же не отверг.

— Хорошо. Башмачник, так башмачник. Я постараюсь передать для него весточку. Но если что... оставлю для тебя записку в этом доме. Точнее, во дворе. Ищи в дальнем углу, за сараем. — Шип мрачно сдвинул брови, подумал правильно ли поступает, не доверив лейтенанту всей тайны? Но решил, что с парня уже хватит. — Теперь давай прощаться, Аввакум. Не хочу, чтобы в полку тебя хватились.

— Ну так я сказал, что пойду к Инессе, — отмахнулся лейтенант. — Меня до завтрашнего вечера никто искать не будет.

— Будут, — покачал головой полковник. — Думаю, уже сегодня возвестят о кончине правителя и у гвардии много хлопот появится. Так что давай-ка иди к своей зазнобе, но прежде закрой, пожалуйста, входную дверь снаружи. Так чтобы выглядело, будто здесь никого нет. Я выспаться хочу.

Аввакум встал из-за стола. Вытянувшись, отдал честь своему полковнику. И пошел на выход.

А вскоре Шип услышал, как о дверь поскребся колышек. Лейтенант установил упор с обратной стороны, команды прилаживать и уличную калитку — не было. Парень вышел через открытый проем в стене и отправился к беременной невесте.

А Шип, разыскав в хозяйском шкафу огрызок

грифеля и листок бумаги, быстро написал короткую записку. Положил ее в кошель, намереваясь завтра найти какого-нибудь пацана, дать ему медяк и попросить доставить записку рыночному башмачнику Зауру.

В том случае, конечно, если с флагштока ратуши снимут тревожный фиолетовый вымпел. Иначе записку действительно придется прикопать за сараем.

Закончив с чистописанием Шип прошел в спальню и заснул еще не коснувшись подушки. Спать, по его расчетам, долго получится. Над городом вот-вот ударят в скорбный набат. Жители выйдут из домов, соседи могут направиться в этот двор с проверкой...

В общем отдохнуть как следует получится навряд ли.

* * *

У Густава был личный рекорд: тридцать два часа на марше и ни минуты сна — полк преодолевал заболоченную равнину, в болотной жиже на привал не останавливались. Тогдашний командир, правда, уверял, что видел: старший лейтенант Шип спал на ходу или стоя, как полковая лошадь. Но Густав того момента не запомнил. Ему казалось, он все время брел вперед, хоть иногда с

закрытыми глазами.

Так что последние сутки рекорда не поставили, но по напрягу могли соперничать с недельным рейдом по тылам противника. Взвинченные опасностью нервы вытягивают из солдата энергию не хуже чистой сечи, Шип, немало послуживший в разведке, прекрасно помнил тот упадок сил. Кто-то из его разведчиков не мог уснуть не выпив крепкого вина или не попав в объятия нежно сочувствующей маркитантки.

Шип славился в полку особенностью: невзирая на гудящие от перегрузки нервы, он мог уснуть прислонившись на минутку к дереву. Проваливался в сон, используя для отдыха малейшую возможность. Но спал так чутко, что мог, не открывая глаз, прихлопнуть комара усевшегося на ботинок.

...Тем утром Шипа разбудили отнюдь не кровососы. Густав находился в запертом доме, но расслышал тихий скрип песка под чьими-то ногами.

Открыл глаза! Определил по звуку, где находятся люди и, повернув голову, расфокусировал зрение.

По заросшей песчаной тропинке осторожно продвигались трое — молодые крепкие ребята с упрятыми под туниками кинжалами и тяжелыми раздутыми котомками на плечах. Еще один немолодой мужчина остался возле выбитой калитки

и приглядывал за улицей. Все четверо имели примитивные грубые татуировки, то есть принадлежали к низшим слоям общества. Но один из парней когда-то был слугой. Хотя сейчас его череп и зарос волосами, принадлежность к этой касте выдавал зигзаг на лбу.

Шип стремительно вскочил с кровати. Стараясь не скрипеть половицами прошел в гостиную и остановился у окна выходящего на двор.

К дому шли, пожалуй, вору. И это стало неприятной неожиданностью для полковника. Шип не мог предположить, что кто-то решится бродить по опустевшим городским улицами — когда каждый прохожий на виду! — и проникать в дома для грабежа.

Но Густав уже исследовал котомки четверки и убедился, что в сумках лежит серебряная посуда, бедняцкие «ценности» вроде позолоченных браслетов и янтарных бус. меховая рухлядь.

«Отчаянные парни, — покачал головой полковник. — Интересно, кто такие?»

Заметив на одном из воришек наколку с грудастой русалкой Шип предположил, что эти четверо могут быть морскими разбойничками, застрявшими в запертой столице и решившими: если уж подвернулся случай стоит пройтись тихонько по пустым домам, пошарить, а когда

фиолетовый вымпел снимут, то смыться восвояси.

Эти четверо набрали полные сумы чужого скарба и, вероятно, рассчитывали сбыть его в провинции. Шип видел, что один из воров держит за щекой весьма недурственный изумрудный перстень. Второй оглаживал правой ладонью самоцветный камень на рукояти кинжала с символом одного из ремесленных цехов.

Но это — обычная воровская добыча. Внимание полковника привлекли странные полотняные мешочки, которые все воры сжимали в левых кулаках. Получалось только догадываться, что находится в тех небольших кулках: парни разжились чем-то в лавке колдуна или знахаря, и в матерчатых мешочках особо ценное зелье? К примеру, отводящее взгляд. Или сбивающее собак со следа.

«Неплохо поживились парни, — прищурился Густав. — Но как они прошли через кордоны?.. Зелье зельем, но защищенная от колдовства городская стража не дремлет».

И эта странность показалась Шипу подозрительной. Тем более что два вора отличались крепкой тренированной мускулатурой. Третий был субтильным, но явно вертким словно угорь. Эта троица не походила на заштатных недокормленных воришек, мужик, оставшийся возле калитки, имел довольно тонкие черты выдававшие в нем

образованного человека.

«Кто они такие?! Почему отважились ходить по запертому городу?!»

Шип прислушался, от припертой клином входной двери раздался тихий голос:

— Ну чо? Здесь, вроде бы, уже проверяли...
Отсидимся тут или еще походим?

— Харе ходить, — буркнул верткий. —
Наберем еще барахла, тяжело бегать будет.

За дверью тихо заскрипел отодвигаемый колышек...

Шип в мгновение ока подцепил стул! И вскочив на него, выбил наружу потолочную заплатку из подушки. Полковник знал, что мог «принять» в доме трех воришек и потихоньку их прикончить. А позже разобраться и с четвертым. Но предпочел не брать на душу лишнего греха смертоубийства. Здесь все-таки не поле боя, с ворами пусть инквизиция разбирается, полковнику о них мараться незачем.

Стараясь не производить шума, Густав зацепился пальцами за доски крыши и мягко, пружинисто оттолкнулся от стула. Взвился вверх!

В торбах входивших в дом воров позвякивала серебряная посуда, и тихого прыжка армейского разведчика разбойнички не расслышали. Шип успел втянуться в потолочную дыру, распластался по негромко зашуршавшей черепице и замер.

Внизу под ним по комнате ходили люди. Под дырой в потолке остановился худосочный тип, поглядел на лаз... потом на стул...

— Здесь кто-то побывал до нас, — настороженно сказал приятелям. — Вон, видите дыру в потолке? И стул под ней стоит.

— А на фига ему через крышу-то выбираться? — безмятежно и резонно поинтересовался мускулистый парень с тощей косицей. — Дверь только припертая. Входи — не хочу.

— А если он сейчас наверху притаился?

— Притаился, значит — умный. Не будет связываться.

— А если заорет? Если он — хозяин?

Парень с косицей саркастически усмехнулся и не стал отвечать на глупое предположение: хозяин, увидевший непрошенных гостей, завопил бы давным-давно, а не затаился бы на крыше.

— А ты его к нам пригласи, — весело предложил молчавший доселе третий вор. И крикнул: — Ей, наверху! Спускайся к нам! Нечего на крыше маячить, соседи увидят.

Парень с косицей принялся развязывать веревку на котомке. Расшнуровав, достал из нее бутыль с вином и кусок вяленого мяса, краюху хлеба.

Разбойнички, так же как и Шип нашедшие

убежище в заброшенном доме, явно собирались здесь позавтракать.

— Нет никого? — обращаясь к друзьям негромко произнес вертлявый.

— Может, и — нет, — пожал плечами третий вор. — А если есть, то спустится. Чего наверху торчать?

Но Шип продолжал лежать не шевелясь. Ему крайне не нравилась беспечность, с которой воры занимали чужой дом. На первый взгляд их поведение не выдавало нарочитости, не отдавало наигрышем: уставшие бегать от гвардейцев и стражников разбойники нашли укромное местечко и собираются здесь отдохнуть. Предположение, что наверху кто-то спрятался, их не особенно волнует: на крыше если кто и есть то, наверняка, такой же бедолага. Да еще к тому же трус.

Так что... на первый взгляд, все было — ровно. Все — путём.

Но по вискам парня, выкладывавшего на стол припасы, стекали крупные капли пота. Виски его набухли и пульсировали в сумасшедшем ритме... а руки не тряслись и продолжали с равномерностью выкладывать на стол съестное.

Что есть уже — непорядок. На улице еще прохладно, но если парень взмок от того, что тащил тяжелую поклажу и не успел остыть, то хотя бы его сердцебиение должно вернуться в норму. А тут все

налицо: виски пульсируют, но на физиономии ни тени волнения. Только пот струится по вискам, да тощая косица взмокла напрочь.

Тревогу, как известно каждому охраннику, можно скрыть, мышцы лица можно расслабить, но контролировать потоотделение практически невозможно. Оно обязательно выдаст волнение!

Густав внимательнее пригляделся к троице. Два других разбойника чрезвычайно грамотно расположились по обе стороны от занятого делом вора. Их пожилой собрат продолжал приглядывать за улицей.

Н-да... Точно — непорядок. Если б Шипу самому понадобилось взять по-тихой видящего, он действовал бы примерно также. Рассредоточил основные силы на приличном отдалении от дома, троих направил непосредственно в жилище, одного оставил вне досягаемости, чтобы тот имел возможность дать сигнал на вступление операции в критическую фазу и вызвать подмогу.

«Меня отследили? — размышлял полковник. — Или Аввакум себя выдал и попался?»

Черт побери, эти «разбойники» слишком грамотно себя ведут, они похожи на группу захвата!

И кроме прочего Шипа крайне напрягал момент: двое из находящихся в комнате не выпускали из рук полотняные мешочки. Теперь Густав старался угадать, что находится в кульках:

сонное зелье, снадобье, лишаящее видящего зрения, или попросту отравя?

Идет большая драка за престол, погибли уже многие. Предположить, что в комнате под ним смертники, вооруженные ядовитым порошком, Густав вполне мог!

«Если бы я не покинул дом, а попытался обезвредить «воров», то не исключено... сейчас бы был уже покойником. Парни запросто могли швырнуть в меня мешочки, отравить воздух в доме и ценой жизни выполнить приказ».

Шип начал осторожно отползать к краю плоской крыши. К счастью, отползая, получалось оставлять в поле зрения пожилого «разбойника», стоявшего на страже проема в ограде. Тот, притворяясь уставшим, присел на корточки, но не сводил глаз с заброшенной лачуги. Хотя должен был наблюдать за улицей, а не пялиться на дом!

И это заключение окончательно убедило Густава: он сделал верный вывод, за ним — пришли.

Как выследили, что собирались учинить, уже вторично. Главное пришли, и нужно немедленно смываться.

Причем — не убивая. «Воры» такие же солдаты, им дан приказ. А убивать своих полковник не хотел. Не мог! Уж лучше прямо тут скончаться, пронзив себя мечом, но не марать руки солдатской

кровью.

И дела нет, что за Густавом направили не обычных воинов, а людей из тайного подразделения инквизиции (в чем Шип почти не сомневался). Любой, кто ставит долг выше безопасности собственной шкуры, вызывал у Шипа уважение.

Но продвигаясь к краю крыши, полковник продолжал размышлять над прежним вопросом: «И кто они такие?!» «Почти» не разрешало всех сомнений. Как бывший шеф охраны Дворца полковник на зубок знал все городские подразделения. По клановым татуировкам и меняющимся рисункам продвижения по чину мгновенно мог понять кто перед ним находится — канцелярист или ремесленник, слуга или астролог, простолюдин или аристократ...

Но эти четверо... Они имели грубо выполненные татуировки низкорожденных бедняков. Когда-то их родители не потратились, думая о будущем чаде. Предки выполнили необходимое: пригласили криворуких колдунов, те, что получилось, то и начертали на младенцах — примитивные, наспех сделанные узоры.

Но от парней, что находились в комнате, за весту веяло — породой! Хорошей родословной и трезвенниками родителями. Стоявший на стреме пожилой мужик и вовсе был похож на высоколобого мыслителя. И этот «мыслитель»,

пожалуй, не собирался погибать вместе с ядром группы захвата. Он остался в отдалении, приглядывал за домом и в любой момент готов дать задний ход. Ну или... подать сигнал основным силам, оставшимся вне пределов видимости Густава.

«Переулки, вероятно, перекрыты, — осторожно подползая к смоковнице, просчитывал ходы полковник. — Не исключено, на заградительных группах плащи с защитными рисунками. Плащи надеты так, что закрывают с головы до пят... И то есть — уходить нужно по соседским дворам, оставаясь между переулками и помня, что преимущества дальнего виденья мне не дадут».

На удачу Шипа раскидистое дерево с плодами инжира от «мыслителя» загоразивал угол дома. Густав уже протянул руку, собираясь зацепиться за ветку и, свесившись с нее, мягко спрыгнуть на траву... Но тут на колокольне ратуши ударили в набат!

Полковник приподнял голову, поглядел в сторону главной городской площади и сквозь густые листья смоковницы разглядел, как с флагштока медленно сползает фиолетовый треугольник. Приказ не покидать дома — отменен. Вскоре из домов посыплются взволнованные событиями горожане, столица постепенно вернется

к облику густонаселенного мегаполиса...

Но колокол продолжал греметь тревогу. Шип лежал на крыше и ждал, что появится под все еще не приспущенными флагами Материка и магистрата? Судя по всему, о кончине Пантелеймона пока не собирались объявлять.

Шип смотрел на шпиль ратуши: на флагшток неторопливо заползал огромный красный вымпел. Появление на магистрате тревожного полотнища возвестило, что в стране объявлено чрезвычайное положение и, соответственно, всеобщая мобилизация.

Полковник помертвел: «Война?.. Какая-то островная держава высадила десант на берег Материка, или где-то в провинции — бунт, массовые беспорядки?!»

Предположить можно было всякое и даже то, что заговор раскрыт, признан полномасштабным и требующим всеобщей мобилизации.

Но надо помнить, что полковник был беглецом, принимающим любую неожиданность обостренно лично. После всего произошедшего Густав имел право заподозрить: мобилизация объявлена неспроста. Его не удалось найти и принято решение выманивать сбежавшего офицера на чувство долга. Порядочный армеец не посмеет призреть набат, созывающий кадровых войсковиков на призывные пункты.

И то есть кто-то верно рассчитал: честь офицера заставит Шипа выйти. Иначе он будет объявлен дезертиром.

«Похоже, — стиснул зубы Густав, — поделаться ничего нельзя. Надо идти сдаваться».

После объявления всеобщей мобилизации военачальники обязаны явиться на призывные пункты в первые часы — командному составу отводят немного времени на сборы. Нижним чинам оставляют половину суток до срока, когда они должны прибыть на сборные пункты с оружием, котомками и зареванными женами.

В связи с чем еще два-три часа на пунктах будет относительно малоллюдно. «Там меня и схватят, — вздохнул полковник. — На сборном пункте будет достаточно крепких мужиков, среди которых легко затеряются гвардейцы и инквизиторы».

Но делать — нечего. Понимая, что попался по-любому, Шип расфокусировал зрение, поглядел на то, что делается в лачуге...

А там творилось странное. Три «вора» замерли столбами. И если б Шип не был уверен, что «разбойнички» не телепаты, то решил бы однозначно: те сейчас неслышно спорят, планируют, прикидывают.

Но на всех мужиках имелись татуировки, защищающие мозг от ментального проникновения.

И это безусловно! Полковник не понимал, с чем связана возникшая внизу заминка: «разбойники» окостенели, стоят и ждут чего-то.

Шип глянул в сторону забора. Пожилой «мыслитель» встал на ноги и тоже замер...

Внизу же наоборот зашевелились. Парень с косицей быстро сгреб со стола припасы в торбу. И даже хлебные крошки смахнул на пол.

Его приятели двинулись на выход.

«Неужто я ошибся?! — подумал Густав. — Эти типы... обычные грабители?!»

Странность происходящего подталкивала к мысли: да, промашка вышла. Группа захвата не покинет лачугу, не завершив начатое. Шип предполагал, что его выследили и последует захват, но три подозрительных парня выходили на крыльцо.

«Почему? Зачем они уходят?!.. Какая разница — будут ли на улицах жители, останутся ли они в домах? Что изменилось после объявления мобилизации? Взять меня во дворе заброшенного дома легче, чем на призывном пункте...»

Шип категорически не понимал, что происходит: разбойники вышли в переулок и, забросив за спины котомки, быстро пошагали к порту. Из домов уже высыпались жители, большинство из них стояло с поднятыми лицами — люди смотрели на огромное треугольное

полотнище, плещущееся на ветру словно язык пламени. Город начинал напоминать разворошенный улей. Женщины поглядывали на мужей, что выпрямляли спины, готовясь стать солдатами-защитниками.

Четверо с котомками рассекали толпу с уверенностью сильных и правых. Шип смотрел на упруго шагающих мужчин и думал о том, что те ведут себя слишком уж невозмутимо. В их котомках полно награбленного добра, ворами, вроде бы, нужно постараться быть незаметными, но разбойники ведут себя так, будто совершенно не боятся наткнуться на городскую стражу.

«Наглые и опытные? Понимают, что на крадущуюся вдоль стен четверку скорее обратят внимание? — скорострельно думал Густав. — Или... я все же не ошибся и это была группа захвата? У мужиков не получилось взять меня без шума и теперь они уходят?»

Но чем им помешал набат?! Что изменилось?! Они же представляют — власть, закон!

Или... мобилизацию объявила законная власть, а парней прислали заговорщики? Мобилизация не имеет ко мне ни малейшего отношения, я слишком о себе возомнил.

А может быть, продолжает действовать поговорка «Правая рука не знает, что делает левая». Ловили меня одни заговорщики, мобилизацию

объявила другая тайная организация? Ведь заговорщикам — кровь из носа! — нужно разыскать свидетеля. Я слишком много знаю...»

Шип, по правде говоря, совсем запутался. И пока безусловным было лишь одно: именно набат прогнал от лачуги четырех мужчин.

Но кто они такие — грабители или представители закона, так и осталось неразгаданным.

Полковник спрыгнул с крыши и, уже не опасаясь оставлять следов на песчаной тропинке, вышел в переулок.

Ближайший к нему призывной пункт располагался неподалеку от рыночной площади и Шип направился туда. Ему предстояло еще разыскать лавку башмачника Заура и передать записку для Аввакума. Полковник подозревал, что сдавшись, он может навсегда похоронить с собой правду... Но давать врагам возможность объявить его еще и дезертиром, он не собирался. «Будь, что будет, — решил полковник. — Если уж меня схватят, то пусть это произойдет при свидетелях. При офицерах, что первыми придут на пункт. Выковыривать гвардейского полковника-дезертира из какой-то норы — позор несусветный! После будет уже точно не отмыться».

Шип шел по переулку, с профессиональным автоматизмом контролировал толпу, горячо

обсуждавшую последние события. Пока все было как и должно. Никто не выделялся татуировками принадлежности к силовым структурам, никто не прятал под одеждой оружия. Толпа гудела, но вела себя сообразно положению.

Шип подошел к угловому дому, просветил его насквозь и увидел стоящую неподалеку карету с глухими зарешеченными окнами и рисунками невидимости на внутренней поверхности стенок.

Полковник остановился, замер, приглядываясь к больно уж широкоплечему кучеру с могучей шеей...

В спину Густава воткнулось острое железо.

— Не двигайся, полковник, — прошелестел за его плечом равнодушный мужской голос. — Не поворачивайся и рукой не дергай, иначе... проткну насквозь.

Говоривший был абсолютно спокоен. В сиплом баске не слышалось напряжения и страха. За спиной полковника стоял человек, уверенный в своих правах и силе.

Шип скосил глаза. Из ворот ближайшего двора выходили трое в капюшонах инквизиторов. Вероятно, когда Густав проходил мимо этого дома, судейцы стояли спиной, а еще и приседали, накрывая ступни ног полами плащей «невидимости». Возможно, на них также были маски с прорезями для глаз из расписанной

материи. Поскольку, в другом случае полковник обязательно бы их заметил.

«Ловко, — с обреченностью вздохнул беглец. — Теперь, пожалуй... все. От этих изуверов не уйти».

— Медленно иди вперед к карете, — приказал полковнику судеец. Впереди по курсу стояла явно инквизиторская повозка, имевшая на стенах защитные рисунки, а потому, разглядеть, кто в ней находится, полковник не сумел. — Посмотри наверх. — Шип поднял взгляд к крышам: за покатыми коньками лежали арбалетчики, нацелившие болты в грудь бегльца. — Не дергайся, полковник. Парни имеют право не брать тебя живым. Ты понял?

— Да.

Шип подумал, что убивать его на улице все же не решаются, но когда он сядет в карету... Люди, помнившие о судьбе трансформеров, еще одной оплошности не допустят.

А спрашивать о своей судьбе или тем более умолять, Шип не собирался. Расправив спину и чувствуя, как в нее упирается острие кинжала, полковник подошел к карете, дверца которой уже распахнулась. Густав кинул взгляд на застывших на сиденьях мужчин. Один явный телепат без защитных или клановых татуировок. Второй — тот самый щуплый «воришка».

Полковник забрался в карету. Сел напротив незнакомцев. Рядом с ним, не выпуская из руки кинжала, устроил третий инквизитор.

— Полковник, отдайте меч, — спокойно приказал вооруженный судеец. — Надеюсь, глупостей вы не наделаете. Из кареты вас все равно не выпустят.

Густав отстегнул от пояса ножны и протянул оружие сидящему напротив инквизитору. Положение его было настолько плачевным, что Шип решил поправить себе настроение ядовитым вопросом:

— А что было у вас в мешочках? — С усмешкой поглядел на щуплого «грабителя». — Яд или сонное зелье? Чем вы собирались в меня швырнуть?

Лицо молодого мужчины, что неудачно попытался захватить беглеца, осталось совершенно бесстрастным. Шип уколол его, намекнув на безграмотные самоуверенные действия, но «вор» и бровью не дернул. Сидел напротив, разглядывал полковника, в глазах его застыло ледяное равнодушие.

Абсолютное и непробиваемое.

«Он телепат? — пораженно подумал Густав. — Но почему на нем татуировка от сглаза?» Надменные телепаты уже несколько столетий «не оскверняют» себя разрисовкой лиц.

За собрата, потерпевшего неудачу, ответил возрастной мужчина в накидке инквизитора:

— Мы знали, полковник Шип, что вас так просто не заполучить, — равномерным как у всех телепатов тембром проговорил судеец. — Но убивать вас не в наших интересах. Поверьте. Вы нужны нам для разговора.

То, что к нему начали обращаться довольно уважительно, Шип принял за обнадеживающий знак. На улице его пугали арбалетчиками, мужик, ткнувший в спину кинжалом, угрожал. Сейчас же все немного успокоилось, инквизиторы показывали Густаву, что (пока) настроены миролюбиво.

Но верить этим палачам полковник не был расположен. Инквизиторы, конечно, законники. Но слава о них издревле дурная ходит.

Полковник, разумеется, не относился к обычным обывателям и знал, что телепатов ненавидят преимущественно из боязни и непонимания. В пересудах больше измышлений, чем реальной правды.

Но представители этого клана сами виноваты в неприятии. В мире, где каждый сызмальства украшен татуировкой на лице, люди начинают ощущать неловкость перед типами с «обнаженными» лицами. Один из приятелей полковника вообще называл телепатов «голыми жопами». Он уверял, что не может с ними